

18+

ИРЕНА БОРОВСКА
**ПОЧЕМУ
ОНИ ВЫЖИЛИ?**

Ирена Боровска

Почему они выжили?

«Издательские решения»

Боровска И.

Почему они выжили? / И. Боровска — «Издательские решения»,

В центре сюжета романа — история нескольких поколений людей, которая началась в начале XX века в Латвии, волею судьбы переживших войны, революции, смены политического строя и поменявших несколько стран. Несмотря на лишения и непростые жизненные испытания, они смогли не только достойно справиться с ними, но и сохранить истинные семейные ценности. Книга адресована всем тем, для кого высокие понятия Вера, Надежда и Любовь — не пустой звук.

© Боровска И.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1.	6
Глава 1. Семья. Пипины. 1913 год	6
Глава 2. Сватовство. Семья Ясинских	9
Глава 3. Бракосочетание	12
Глава 4. Семья Ясинских	14
Часть 2.	17
Глава 1. Рождение сына. Мобилизация. 1914 год	17
Глава 2. Тётя Соня. Эвакуация. 1915 год	20
Глава 3. Красный стрелок. Рига — Россия.	23
Часть 3.	26
Глава 1. Возвращение из России в Латвию. Даугавпилс. 1922 год	26
Глава 2. Сестра и брат Пипины. 1922 год	29
Глава 3. Семья Пипиных. Пётр и Хелена. 1930 год	33
Глава 4. Предприниматели. Правление К. Улманиса. 1934 год	34
Глава 5. Первое причастие. Катрина. 1934 год	36
Глава 6. Письмо от тёти Сони. Латвия. Россия. Германия. 1937 год	39
Глава 7. Предвестие войны. Пётр Пипин и Станислав Ясинский. 1939 год	42
Часть 4.	45
Глава 1. Первые жертвы войны. Янек. Польша, Латвия. 1939 год	45
Глава 2. Солдат и хозяйка. Даугавпилс. 1939 год	47
Глава 3. Гроза над городом. Станислав. 1940 год	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Почему они выжили?

Ирена Боровска

*Настоящая семья никуда не исчезает. Какие бы дороги ни
выбирала судьба, она всё равно приводит нас обратно к родным людям.*

Ирена Боровска

Редактор Мурад Каррыев

Корректор Мурад Каррыев

© Ирена Боровска, 2026

ISBN 978-5-0071-0210-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1.

Российская империя. Витебская губерния. Город Двинск. Начало XX века

Глава 1. Семья. Пипины. 1913 год

На окраине города, недалеко от реки Двины, в небольшом старом доме с покосившимся крыльцом, огородом и сараем с двумя козами жила польская католическая семья Пипиных. Когда-то здесь был достаток: отец, Антон Осипович, вместе с сыном Петром работал на военном складе, в мастерских по ремонту вагонов. Но год назад глава семейства умер от холеры, а весной старшего сына забрали служить на флот. С тех пор в доме стало тихо, бедно и тревожно.

Семнадцатилетнюю Екатерину родные звали Касей. Она окончила польскую начальную школу и русскую женскую гимназию, любила книги, театр и мечтала о жизни, совсем не похожей на ту, которой жили её мать и соседки.

В тот вечер в городе праздновали Лиго — старинный праздник летнего солнцестояния. По берегам Двины горели костры, девушки пели песни, плели венки из полевых цветов и трав, а юноши прыгали через огонь, смеясь и поддразнивая друг друга. Считалось, что в эту короткую ночь можно загадать самое заветное желание.

Праздник уже закончился, а Кася всё сидела на берегу реки, на большом камне, ещё тёплом после жаркого дня. Над водой постепенно светлело небо. Где-то далеко догорали костры, ветер шевелил высокую траву, и от реки тянуло прохладой. По течению плыл её венок. Кася смотрела ему вслед и улыбалась. Этой ночью она загадала желание — выйти замуж за Ярека. Они почти не разговаривали наедине. В польских католических семьях не поощрялись встречи до свадьбы, и влюблённые чаще обменивались взглядами, чем словами. Но Кася давно знала: Ярек любит её так же сильно, как она любит его. Девушка вспомнила, как вечером он подошёл к костру в дубовом венке, как протянул ей руку во время танца, и сердце её снова забило быстрее. Казалось, впереди была только счастливая жизнь: любовь, собственный дом, дети и долгие годы рядом друг с другом. Вдруг Кася заметила второй венок — он плыл следом за её венком, медленно покачиваясь на воде. Она сразу поняла: это венок Ярека. Девушка поднялась с камня и медленно пошла домой.

Над Двиной поднималось солнце. То скрываясь за облаками, то снова появляясь, оно окрашивало реку золотистым светом. Ветер становился холоднее, но Кася почти не чувствовала утренней сырости. Всё вокруг казалось ей прекрасным. Поднявшись по склону, она вышла на брусчатую дорогу. В предрассветном тумане на холмах темнели стены крепости. Старики рассказывали, что когда-то здесь стоял рыцарский замок, построенный немецкими крестоносцами. В детстве Кася любила рассматривать старую книгу с рисунками рыцарей, которую мать хранила в шкафу. Повинуясь внезапному желанию, девушка свернула с дороги и пошла к крепости по узкой тропе.

Вокруг было пустынно и тихо. Возле старого дуба Кася остановилась. Огромное дерево стояло здесь, наверное, не одну сотню лет. Его тёмная потрескавшаяся кора казалась почти чёрной в утреннем свете. Девушка прислонилась к стволу и закрыла глаза. Ей вдруг представился рыцарь в сверкающих доспехах. Тяжёлый плащ развевался за его спиной, а в железных руках он держал маленький букет полевых цветов. Рыцарь подошёл ближе, поднял забрало, и

Кася увидела лицо Ярека. Она невольно улыбнулась. Солнечные лучи пробились сквозь ветви дуба и коснулись её лица. Кася открыла глаза. Видение исчезло.

Только теперь она заметила неподалёку телеги со стройматериалами, лошадей и брошенные возле дороги лопаты. В крепости начинались какие-то работы, но девушку это мало интересовало. Она думала совсем о другом. Ей казалось, что жизнь только начинается. Кася мечтала о сцене. В городе был самодеятельный театр, куда она ходила гораздо охотнее, чем в костёл. Иногда ей представлялось, как она играет в красивом спектакле о рыцарских временах, а Ярек выходит к ней в латах и преклоняет колено.

Наконец девушка направилась домой.

Там её встретила привычная тишина. После смерти отца всё здесь словно потускнело. Мать, Анна Пипина, всё чаще болела, быстро уставала и подолгу лежала в постели. Иногда помогала двоюродная сестра Софья — тётя Соня, как называла её Кася, хотя та была старше всего на несколько лет. Но у Софьи самой было четверо детей и большое хозяйство.

Подходя к дому, Кася думала о матери. Рассказать ли ей о Яреке? О своей мечте стать актрисой? Поймёт ли она? Мать всегда говорила, что приличной девушке не место на сцене.

Анна лежала в комнате на высокой железной кровати.

— Кася, принеси мне воды, — тихо попросила она.

Девушка быстро подала кружку.

Мать сделала несколько глотков, тяжело перевела дыхание и жестом показала дочери сесть рядом.

— Кася... мне нужно поговорить с тобой.

— Да, мама.

Анна долго молчала, словно собираясь с силами.

— После смерти отца нам стало тяжело. Твоего брата Петра забрали во флот, и неизвестно, когда он вернётся домой. Люди говорят, что может быть война... А я всё чаще болею. — Она закашлялась и прижала к губам платок. — Ты уже взрослая. Я должна подумать о твоём будущем.

Кася почувствовала тревогу.

— Вчера приезжал Станислав Ясинский, — продолжила мать. — Он просил твоей руки. Девушка вздрогнула.

— Мама...

— Станислав хороший человек. Серьёзный, работающий, из крепкой семьи. У них большое хозяйство, два дома. Ты не будешь знать нужды.

— Но я не люблю его.

— Любовь приходит не сразу, — устало ответила мать. — Зато рядом с ним ты не останешься голодной и одинокой.

— Ему двадцать шесть лет... Он намного старше меня.

— Это не старость для мужчины. Он сможет защитить тебя.

Кася опустила глаза:

— Я люблю Ярека, мама.

Анна долго смотрела на дочь:

— Ярек ещё мальчишка. Он беден. Тебе придётся жить в доме его родителей и работать с утра до ночи. А если начнётся война? Как он сможет содержать семью?

В комнате стало тихо.

За окном слышались утренние голоса соседей и далёкий лай собак.

— Через неделю ты познакомишься с семьёй Ясинских, — тихо сказала мать. — А свадьбу назначили через месяц.

Кася подняла голову:

— Вы уже всё решили без меня?

Мать отвела взгляд:

— Я хочу, чтобы после моей смерти ты не осталась одна.

Она снова закашлялась. На белом платке выступили тёмные пятна крови.

Кася побледнела. Только теперь она по-настоящему испугалась.

— Возьми мой молитвенник, — сказала мать. — Это всё, что я могу тебе оставить.

Девушка молча взяла маленькую потёртую книгу. В польской католической семье не спорили с родителями. Особенно с матерью.

Кася медленно вышла из комнаты, дошла до своей кровати и, уткнувшись лицом в подушку, разрыдалась. Ещё вчера мир казался ей простым и счастливым. Она выросла в спокойное время прошлого века, не знала голода, не видела войны и привыкла думать, что жизнь всегда будет такой же тихой, как их маленький дом на берегу Двины. Кася ещё не понимала, что впереди — совсем другое столетие.

Глава 2. Сватовство. Семья Ясинских

Через неделю, как и обещала мать, в дом Пипиных приехали сваты. После полудня, когда основные крестьянские дела уже были закончены, во двор въехала четырёхколёсная бричка, запряжённая двумя гнедыми лошадьми. Управлял ими не кучер, а сам отец Станислава — широкоплечий мужчина с густыми усами и прямой осанкой. На задних мягких сиденьях расположились Станислав, его младший брат Иосиф и мать. Бричка выглядела дорого и по-городскому нарядно: лакированные борта, металлические ободы колёс, сложенный брезентовый тент от дождя и солнца. Такое средство передвижения могли позволить себе только зажиточные горожане. Семья Ясинских жила на другом конце Двинска и считалась обеспеченной.

Анна Ивановна услышала стук колёс и поспешила во двор встречать гостей. Все поздоровались по-польски, обменялись рукопожатиями. Мужчины были одеты в чёрные костюмы и белые рубашки с туго накрахмаленными воротниками. Мать Станислава, Ливия Яновна, выглядела строго и торжественно: длинное бежевое платье с высоким воротом подчёркивало её прямую фигуру, широкий пояс стягивал талию, а тяжёлые складки юбки почти скрывали ботинки. Волосы были гладко зачёсаны и собраны в плотный пучок. В ушах поблёскивали золотые серьги в форме капель. На лице — ни тени улыбки.

— Прошу в дом, — сдержанно произнесла Анна Ивановна.

Гости вошли в гостиную.

— Франц Бенедиктович Ясинский, — представился отец семейства. — Это моя жена Ливия Яновна. Младший сын Иосиф. А это наш старший — Станислав Францевич.

— Анна Ивановна Пипина, — ответила хозяйка. — А это моя дочь Екатерина Антоновна. Отец её умер, брат служит в армии. Прошу к столу.

Стол был накрыт белой скатертью, связанной крючком из тонких хлопковых нитей. Такие же кружевные салфетки лежали на спинках стульев. Кася села рядом с матерью, не поднимая глаз. Напротив сватов расположились Ясинские.

Первым заговорил Франц Бенедиктович:

— Госпожа Анна, наш сын Станислав просит руки вашей дочери Екатерины. Стасик уже давно ведёт самостоятельное дело. За Двиной у него собственный магазин: сельские орудия, удобрения, домашний товар. Торговля идёт хорошо. Люди на том берегу живут хозяйством — без такого магазина им трудно.

Он говорил уверенно и спокойно, словно заключал выгодную сделку.

— У нас есть ещё один дом, — продолжил он. — Построен специально для сыновей. После свадьбы Станислав с супругой переедут туда. Екатерине не придётся работать. Она станет хозяйкой дома. А мы будем ждать внуков.

Кася сидела неподвижно, стиснув пальцы под столом.

Она почти не слушала разговор.

Только когда гости вошли, девушка мельком посмотрела на жениха: высокий, широкоплечий, с прямым пробором чёрных волос и тонкими усами над губой. Он казался ей слишком взрослым, слишком серьёзным, слишком чужим: «Как можно целоваться с мужчиной с усами?.. А если ещё и борода вырастет?.. Нет. Нет, я не выйду за него».

Слова матери и родителей Стаса доносились будто издалека. Кася не слышала ни о дате свадьбы, ни о доме, где ей предстоит жить. Всё внутри сжималось от одного желания — убежать. Она запомнила лишь момент прощания. Когда гости уже выходили из дома, Станислав задержался возле неё, осторожно взял её руку и поцеловал кончики пальцев. От прикосновения по спине девушки пробежал холод.

Прошло три недели. Однажды утром Кася увидела из окна знакомую бричку. Сердце тревожно сжалось. Во двор снова вошёл Франц Бенедиктович. В руках он держал большую

аккуратно перевязанную коробку. Анна Ивановна встретила его на крыльце. Мужчина коротко поклонился, передал свёрток и почти сразу уехал. Мать внесла коробку в дом и постучала в дверь комнаты дочери.

— Это тебе от жениха.

Она раскрыла упаковку и осторожно положила на кровать свадебное платье. Белая ткань мягко развернулась по покрывалу, будто чужая судьба.

— Венчание состоится двадцать пятого июля, в костёле в центре города, — ровным голосом сказала мать. — Ты должна быть готова. Надеюсь, не опозоришь меня перед такими порядочными людьми.

Дверь закрылась. Кася ещё несколько секунд стояла неподвижно, глядя на платье. Потом резко схватила его и бросила в угол комнаты. Она упала на кровать лицом в подушку и разрыдалась.

Сердце колотилось так сильно, будто пыталось вырваться из груди. Слова матери звучали в голове холодным приговором — без права возражать, без права выбора. В их доме не кричали. Здесь наказывали иначе: долгим молчанием, тяжёлым взглядом, ледяной отчуждённостью. И это было страшнее любого крика. Поэтому Кася молчала тоже. Хотя внутри всё рвалось наружу: «Я не хочу...» Но протест застревал в горле, превращаясь лишь в тихий стон жалости к самой себе. Особенно мучительным было понимание: её отдают человеку, к которому не тянется сердце. Человеку уважаемому, обеспеченному, «солидному», как говорила мать. Но чужому.

И рядом с этим образом в памяти всё чаще возникал Ярек. Его улыбка. Его голос. То лёгкое чувство счастья, которое появлялось рядом с ним само собой. С Яреком мир был живым. А теперь этот мир словно сожгли дотла. Самое страшное заключалось даже не в потере любви. Страшнее было другое — Кася начинала привыкать к собственной беспомощности. Училась сгибаться под чужой волей. И эта покорность медленно вытесняла из неё ту живую семнадцатилетнюю девушку, которая ещё недавно мечтала, смеялась и верила в счастье.

Она поднялась с постели и подошла к окну. На улице медленно шёл дождь. Капли стекали по мутному стеклу длинными дрожащими нитями, и Кася вдруг почувствовала себя птицей, запертой в золочёной клетке. Внутри неё боролись два чувства: протест, разрывающий душу, и бессилие, ломающее волю. Дождь усиливался. Казалось, капли уже не стучат, а бьются в окно, будто требуют: «Сделай хоть что-нибудь».

И тогда в ней словно проснулась решимость. Она резко отвернулась от окна, подошла к комоду и выдвинула верхний ящик. Там стояла маленькая деревянная шкатулка с её документами. Кася открыла её. Сверху лежало свидетельство о рождении. Плотная бумага, выцветшие чернила, герб Российской империи, штампы и печать католического костёла Двинска. Девушка медленно пробежала глазами строки: «Пипина Екатерина Антоновна. Родилась пятого мая 1896 года...» Она вдруг поймала себя на странной мысли: имя «Екатерина» звучало почти чужим. Все домашние давно называли её только Касей. «Скоро я стану Екатериной Антоновной Ясинской». От этой мысли её передёрнуло. Рядом лежал паспорт. Именно он был ей нужен. Протест наконец победил страх: я всё равно останусь Касей Пипиной. Она схватила документ и выбежала из комнаты. Быстрым шагом подошла к круглой печи, распахнула тяжёлую кованую дверцу и бросила паспорт в огонь. Пламя мгновенно охватило бумагу. Паспорт вспыхнул ярко и резко — почти так же, как горели сейчас её щёки. Через несколько секунд от него остался только чёрный пепел.

— Теперь свадьбы не будет... — прошептала она. — Не будет Екатерины Ясинской...

На мгновение ей стало легче. Она тихо прошла мимо задремавшей матери, вышла во двор и занялась хозяйством, стараясь выглядеть спокойно. Но тревога не исчезла. С каждым новым днём страх становился сильнее. Она так и не придумала, что скажет матери, когда та попросит паспорт. И всё же день этот наступил. В конце недели Анна Ивановна велела прине-

сти документы для оформления брака в костёле. Кася похолодела. На секунду ей показалось, что мать сейчас обо всём узнает. Но затем девушка вспомнила: для венчания достаточно свидетельства о рождении. С опущенной головой она вошла в комнату, достала нужную бумагу и дрожащими руками передала её матери. Анна Ивановна внимательно просмотрела документ и спокойно сказала:

— Готовься к венчанию. Примерь платье. В воскресенье к десяти утра за нами приедет Станислав.

Кася молча кивнула. Свадебное платье всё так же лежало в углу за кроватью. Она боялась даже прикоснуться к нему. В глазах потемнело. Ноги подкосились, и девушка медленно опустилась на постель. Ей было всего семнадцать. Но внутри уже жило странное чувство преждевременной старости — не той, что приходит с морщинами, а той, что делает человека покорным и заставляет жить чужой жизнью.

Глава 3. Бракосочетание

В воскресенье утром, как и обещал, за Касей приехал Станислав. Он выглядел особенно торжественно. Белая рубашка была застёгнута до самого воротника, под которым лежала белая шёлковая бабочка. Поверх жилета — длинный чёрный пиджак, почти как сюртук. У сердца был приколот белый круглый бант из того же шёлка, что и бабочка.

Во дворе уже ждала бричка. На этот раз лошадьми управлял кучер. Кася вышла из дома вместе с матерью. Белое свадебное платье сидело на ней безупречно, длинная фата спадала на плечи, а венок из мирты окружал голову и издавал тонкий терпкий аромат. Но сама девушка казалась бледной и неподвижной, словно невестой была не она, а кто-то другой. Станислав в белых перчатках помог сначала Анне Ивановне, затем Касе подняться в бричку. Женщины молча поздоровались с ним и сели рядом. Жених расположился напротив. Колёса застучали по булыжной мостовой.

День был тёплым и солнечным. Воздух пах липами, нагретым камнем и летней пылью. Прохожие останавливались, улыбались, провожали свадебную бричку взглядами, кто-то приветственно кивал, кто-то шептал добрые пожелания молодым. Но Кася почти ничего не замечала. Она сидела с опущенной головой, чувствуя рядом тяжёлое присутствие матери, и думала: «Её лицо — как камень. Её воля — цепи на моих руках. Я её дочь, а значит, должна подчиниться. Так меня воспитали. Но разве кто-нибудь слышит, как всё внутри протестует? Как душа рвётся туда, где свет, где глаза Ярека, где моя любовь?..»

Бричка свернула на широкую улицу, и впереди показался костёл. Высокий, белоснежный, с тонкой башней, устремлённой в небо, он возвышался над городом словно огромная свеча. Солнечный свет играл на стенах так ярко, что они казались почти неземными. Тяжёлая тёмная дверь раскрылась. Жених и невеста вошли внутрь. После ослепительного солнца храм встретил их прохладным полумраком. Своды уходили высоко вверх, и от этого сердце невольно начинало биться тише. Сквозь витражи лился мягкий разноцветный свет — синий, золотой, малиновый. Он ложился на белые стены живыми пятнами, будто сама молитва обрела цвет. Между рядами деревянных скамей тянулся проход к алтарю. Там мерцали свечи и белели цветы. Над алтарём возвышалось резное распятие. В воздухе плавал густой запах ладана. У алтаря стоял священник в длинной белой альбе и золотистой казуле. Когда он двигался, ткань мягко переливалась в свете свечей. Его голос звучал низко и торжественно, а латинские слова текли медленно и плавно, как древняя песнь.

Жених и невеста остановились перед ним. Где-то сбоку запел хор мальчиков, тонкие чистые голоса поднимались под своды костёла легко и светло, будто сам храм благословлял этот союз.

Но Кася не чувствовала благословения. Она стояла неподвижно, сжимая дрожащие пальцы, и внутри неё звучала совсем другая молитва: «Господи... почему я здесь? Разве это мой выбор? Разве Ты не видишь, что моё сердце принадлежит не ему? Эти стены пахнут свежими и ладаном, а мне кажется, будто они сжимаются вокруг меня, как камень. Все смотрят на меня и, наверное, думают, что я счастлива. Но я молчу, потому что нельзя сказать правду. Я слышу слова священника — они падают одно за другим, как удары молота: „Согласна ли ты?..“ А внутри меня кричит всё живое: „Нет. Я не согласна. Я люблю другого. Но губы произносят то, чего от меня ждут. И этот шёпот звучит как приговор самой себе“. Сейчас все думают, что я становлюсь женой. А мне кажется, что я становлюсь тенью. Я чужая в этом белом платье. Чужая в этом мгновении. Чужая в собственной жизни. Только память о Яреке ещё жива во мне — его руки, голос, взгляд. Я держусь за неё, как за последнюю искру тепла».

Когда венчание закончилось, молодые вышли из костёла под яркое полуденное солнце. И вдруг небо ненадолго потемнело. Небольшая летняя туча прошла над городом и осыпала всех мелким тёплым дождём. Капли сверкали в солнечном свете, словно стеклянные бусины.

— К счастью, — заулыбались женщины у входа. — К долгой совместной жизни.

После венчания все отправились в дом Франца Бенедиктовича. За свадебным столом собрались только родственники. Праздник получился тихим и спокойным — скорее похожим на большой воскресный обед, чем на шумную свадьбу. Матери беседовали между собой, мужчины обсуждали торговлю и городские новости. Позже приехал фотограф. Он долго расставлял молодых возле стены сада, поправлял фату Каси и просил не двигаться. Станислав стоял рядом серьёзный и довольный, а Кася смотрела куда-то мимо объектива, словно всё происходило не с ней.

К вечеру солнце стало опускаться ниже. Молодожёны попрощались с хозяевами. Анна Ивановна пошла домой, а Станислав с женой отправились в новый дом. Бричка медленно покачивалась по вечерним улицам Двинска. Для Каси весь этот день прошёл будто в тумане. Позже об этом событии она помнила только одно: тонкое золотое кольцо на безымянном пальце. Теперь она была не Кася Пипина. Теперь она — Екатерина Антоновна Ясинская.

Глава 4. Семья Ясинских

Путь к новому дому оказался длинным. Через весь Двинск тянулась единственная булыжная дорога. Она начиналась у берегов Двины, проходила через окраины и центр города, а затем уходила дальше — к большому сосновому лесу за городом. В лесу было озеро. Туда ходили ловить рыбу, собирать грибы и ягоды, а летом приезжали семьями отдыхать у воды. Солнце уже клонилось к закату, когда бричка наконец остановилась. До леса оставалось ещё несколько вёрст.

По правую сторону дороги, на небольшой песчаной возвышенности, стоял длинный деревянный дом. Он был последним на этой улице — дальше начинались только поля, луга и пустоши. Дом выглядел новым. Песочно-молочная краска на деревянной обшивке ещё не успела потускнеть и мягко светилась в лучах вечернего солнца. Шестьюкон на фасаде были закрыты ставнями с тяжёлыми железными задвижками — разумная предосторожность для последнего дома на окраине. По обе стороны тянулся невысокий дощатый забор того же светлого цвета. Напротив колыхалось ржаное поле, там не было ни одного строения. Старожилы говорили, что когда-то здесь проходило старое русло Двины, поэтому земля оставалась песчаной и бесплодной. Лишь вдалеке виднелась заболоченная низина, где неподвижно стояли две цапли. Всё вокруг казалось слишком тихим. Ни людских голосов, ни собачьего лая, ни даже скрипа телег. Только ветер в траве. И от этой тишины Касе становилось тревожно.

Станислав помог жене спуститься с брички и осторожно взял под руку. Лошади остались ждать у дороги, а молодые поднялись по едва заметной тропинке к дому. Калитка оказалась незапертой, будто их здесь давно ждали. Во дворе ещё лежали свежие доски, возле стены были сложены нарубленные дрова. Чуть поодаль стоял сарай на цементном фундаменте, а ещё дальше — высокая конюшня. Но Кася почти ничего не замечала. Её взгляд уходил дальше — за постройки, за нескошенный луг, в сторону далёких тёмных домов на горизонте. Она вдруг особенно остро почувствовала своё одиночество. Чужой дом. Чужая жизнь. Чужой человек рядом. Тихо, почти шёпотом, она произнесла:

— Станислав Францевич... разрешите мне сегодня отдохнуть одной.

Он посмотрел на неё внимательно и мягко улыбнулся.

— Кася, не называй меня по имени-отчеству. Я ведь твой муж... и друг. Зови меня Стас или Стасик. Идём, я покажу тебе наш дом.

Он пропустил её вперёд. За дверью тянулся длинный коридор. От него вели несколько дверей. Станислав открыл первую. Это была кухня. В центре стояла большая кирпичная плита с тяжёлой железной поверхностью и круглыми конфорками. У топки лежали поленья, а широкий дымоход поднимался почти под потолок. Плита явно служила не только для готовки, но и для обогрева дома. У окна стояли деревянный стол и шесть стульев. В комнате пахло свежими досками, глиной и печным кирпичом. Обойдя плиту, Станислав провёл жену дальше. Первая спальня оказалась почти пустой: железная кровать, шкаф и два окна, выходящих к дороге.

— Здесь будет детская, — спокойно сказал он.

Во второй комнате стояла такая же мебель.

— И здесь тоже.

Слова о детях заставили Касю вздрогнуть. Она не могла представить своё будущее рядом с этим человеком. Всё происходящее казалось слишком быстрым, слишком тяжёлым. Последней оставалась супружеская спальня. У правой стены стояла высокая узкая печь, выбеленная мелом, а напротив находилась широкая семейная кровать. Кася медленно подошла к большому окну напротив двери, которое выходило во двор, и увидела всю дорогу, где стояли ещё не распряжённые лошади. Мостовая уходила через район новостроек к центру города и до самой Двины, туда, где оставалась её мать. И от этой мысли Касе стало особенно тяжело. Мать учила

её быть покорной, быть «достойной женой». Но никто не объяснил, как жить со страхом перед человеком, которого не любишь. Она чувствовала себя маленькой и незащищенной перед будущим: «Сколько же и что мне ещё придётся пережить? Горе или радость?..» За дверью слышались шаги: «Муж». Это слово всё ещё резало слух: «Муж — но не любимый. Муж — потому что так решили другие. Я должна радоваться. Должна улыбаться. Но почему тогда мне хочется исчезнуть? Почему счастье пахнет страхом?..»

За окном медленно таяло солнце, уходя за горизонт. Небо становилось густым, янтарным, тёплым. Воздух был наполнен запахом трав и вечерней земли. В этом закате было что-то тихое и прощальное — будто заканчивался не только день, но и вся её прежняя жизнь. И всё же где-то глубоко внутри появилась слабая, почти незаметная надежда: «А вдруг он окажется добрее, чем я думаю?..»

Станислав подошёл к ней:

— Кася, ты отдохни пока. Я распрягу лошадей и задам им корм.

Он осторожно положил руки ей на плечи, посмотрел в глаза и нежно погладил её ладонь. — На кровати лежит новая ночная рубашка. Переоденься и ложись спать. Я приду позже.

Когда он вышел, Кася медленно села на край постели. Сердце билось неровно. Не от счастья. От страха. Ей казалось, будто вместе с этим браком её жизнь перестала принадлежать ей самой. Всё, что раньше было только её — мысли, мечты, тело, — теперь должно было стать частью чужой воли. Она осторожно сняла платье. Под ним были короткая грация и белые панталоны до колен. Девушка долго расшнуровывала тесную ткань дрожащими пальцами, потом аккуратно убрала одежду в комод. Надев ночную рубашку, она легла в постель и сжала руки так сильно, что ногти впились в ладони: «Только бы не расплакаться. Если я разревусь, он решит, что я ребёнок. Но почему тогда так хочется спрятаться под одеяло и сделать вид, будто всего этого не существует? Я боюсь боли. Но ещё больше боюсь равнодушия. Боюсь, что он даже не заметит моего страха. Что для него я просто жена. Обязанность. И после этой ночи во мне что-то навсегда сломается».

Дверь тихо открылась. Кася зажмурилась. Станислав вошёл почти бесшумно. От него пахло свежескошенной травой и рекой. Он переоделся и лёг рядом. Девушка отвернулась к стене, поджала ноги и притворилась спящей, стараясь дышать ровно. Она чувствовала, как он осторожно гладит её по плечу, тихо говорит что-то ласковое, но не решалась повернуться. В ту ночь он так и не прикоснулся к ней больше. Утром, проснувшись, Кася увидела, что мужа уже нет. На краю кровати лежали новое домашнее платье и маленький букет полевых цветов. На столе стояли горячий чайник, чашка и две свежие булочки. Станислав уходил на работу ещё до рассвета.

Дни постепенно складывались в новую жизнь. Кася изучала дом, хозяйство, готовила еду из запасов в погребе. Она понимала свои обязанности, но почти никогда первой не заговаривала с мужем. Каждый вечер Станислав возвращался из магазина и приносил ей маленькие подарки: ленты, сладости, яблоки, недорогие украшения. Он рассказывал о торговле, о семье, о своих планах и чувствах к ней. Кася слушала молча. Иногда благодарила. Иногда коротко отвечала. Но между ними всё ещё стояла невидимая стена. Так прошло две недели. Она продолжала спать в панталонах и не подпускала мужа к себе. Однако постепенно страх начал отступать. Кася привыкала к этому человеку — спокойному, хозяйственному, терпеливому. Привыкала к дому на окраине, к вечерним разговорам, к тишине их жизни. И понемногу — к самой себе в роли жены. Екатерины Антоновны Ясинской.

В те времена люди особенно дорожили семьёй и мирной жизнью. Русские, поляки, белорусы, латыши, литовцы — все народы этих земель помнили войны, смену властей, разделённые границы и чужое господство. После каждой новой власти приходили новые законы, новый язык, новые страхи. Менялись государства. Перекраивались земли. Люди теряли дома, имущество, родных. Но больше всего они боялись хаоса и войны — потому что каждая война

уносила мужчин, разрушала семьи и оставляла после себя только могилы. И потому родители старались любой ценой сохранить детям хотя бы ощущение устойчивости и порядка — даже если ради этого приходилось ломать чужие судьбы.

Часть 2.

Первая мировая война. Латвия. Германия и Россия. 1914—1919 годы

Глава 1. Рождение сына. Мобилизация. 1914 год

Весь год молодая жена жила обустройством семейного дома, лишь пару раз навещала мать, но сама она почти не выходила в город: вся её жизнь сосредоточилась в ожидании ребёнка. В последние недели мир сузился до колыбели, печи и тихого дыхания младенца. Муж уходил рано и возвращался поздно; говорил только, что много работы, и больше ничего не объяснял — берег её покой. Кася не читала газет, соседей рядом не было, поговорить было не с кем. Что-то о приближении войны она слышала от мужа, но война казалась далёкой и почти не настоящей.

Сын родился в начале июля 1914 года. Кася и Станислав были счастливы. Мальчик выглядел крепким, здоровым и чем-то напоминал отца. Всем родственникам Станислав с гордостью говорил:

— Я так рад — родился наследник.

Мальчика назвали Валерианом, а мать звала его Валей. Никто ещё не знал, что через несколько недель, 28 июля, начнётся Первая мировая война.

Через несколько недель первой пришла тётя Соня — поздравить племянницу и посмотреть на малыша. Она жила неподалёку от дома Касиной матери: после замужества сёстры стали соседками. Тётя рассказала, что мать чувствует себя лучше, чем опасались, и вполне справляется сама. А Касе, по её словам, давно пора развеяться: сходить в центр города, посмотреть на людей, купить что-нибудь ребёнку, себе, продуктов с рынка.

— Я посижу с малышом, — уверенно сказала Соня. — С младенцами я умею обращаться, сама четверых вырастила.

Кася согласилась и в то утро впервые за долгое время решила пойти в город.

Августовский день был тёплым, почти праздничным. Но чем ближе она подходила к центру, тем сильнее чувствовала: что-то изменилось. В сторону Двинской крепости тянулись телеги с деревянными ящиками в сопровождении солдат. Эти ящики она уже где-то видела. Где? В прошлом году, после праздника Лиго, возле крепости. Тогда она стояла под дубом и мечтала о Яреке. «Какой же я была наивной... Я ведь видела оружие в разбитом ящике на телеге. Неужели к войне готовились уже тогда?»

Через несколько минут сомнений не осталось. Улицы были непривычно людными. Возле лавок стояли очереди, люди говорили громко, перебывая друг друга. На перекрёстке рядом с городовым собралась толпа. Кто-то вслух читал бумагу, приколотую к стене. Кася подошла ближе.

«Мобилизация в Императорскую армию».

«По высочайшему повелению».

«Явиться немедленно».

Латыши, русские, поляки, евреи — мобилизации подлежали все. У стены плакала женщина, прижимая платок к лицу. Мужчины стояли молча, с каменными лицами, будто их уже позвали — не голосом, а самой судьбой. Мимо проехала телега с солдатами: один смеялся

слишком громко, другой смотрел прямо перед собой, не мигая. Кася почувствовала, как внутри стало пусто и холодно.

— Война... — буднично сказал кто-то рядом.

— Германия. Всех забирают.

Мир изменился внезапно, не издав ни звука. Она подумала о муже — и впервые за долгое время не могла представить, где он сейчас. Потом — о ребёнке, таком маленьком, что он ещё не знал ни слов, ни страха, ни того, как внезапно рушится спокойная жизнь.

Покупки она делала наспех, почти не помня как. Руки дрожали. В лавках говорили, что цены скоро вырастут, что исчезнут сахар и керосин. Кто-то крестился, кто-то уверял, что война будет чужой. Каждый стук колёс, каждый окрик звучал тревожно.

Когда она вернулась, маленький Валя уже спал. Тётя Соня поспешно ушла к своим детям. Кася села у стола, и её охватило тяжёлое чувство — не крикливый страх, а глухая тревога, будто в дом уже вошло что-то невидимое и осталось навсегда. Она сердилась на мужа за то, что он ни словом не намекнул о войне, — и тут же оправдывала его, понимая: Станислав просто пытался уберечь её от тревоги.

В тот вечер молодая мать впервые после родов заплакала — тихо, чтобы не разбудить ребёнка. Не от слабости, а от понимания: прежняя жизнь закончилась. Любовь, вновь вспыхнувшая к мужу, теперь могла снова обернуться страхом потери. А впереди была неизвестность, в которой ей предстояло быть сильной не только ради себя, но и ради сына, спавшего в колыбели.

Весь следующий день Кася просидела с ребёнком и ждала мужа — надеялась, что он объяснит происходящее и сумеет её успокоить. Вечером дом затих. За окнами постепенно погас свет, лишь изредка с улицы доносились шаги, голоса и скрип телег. Станислав вернулся поздно — усталый, пахнувший рекой и сырым деревом. Он долго молча мыл руки, словно оттягивая разговор.

— Я сегодня была в городе, — тихо сказала Кася.

По его лицу она сразу поняла: он всё знал. Уже давно.

Первым заговорил он:

— Не плачь. Меня не заберут.

Она подняла на него глаза — недоверчиво, почти испуганно:

— Почему?

Станислав сел напротив, достал из внутреннего кармана аккуратно сложенные деньги и положил их на стол. Купюры и серебро легли тяжело, с сухим звуком.

— Я единственный кормилец. Ты после родов, ребёнок маленький. В управе сказали: таких пока не трогают. По крайней мере — сейчас.

Кася выдохнула так, будто всё это время не дышала. Тревога не исчезла, но стала терпимее.

— И потом... — он замялся. — Нам теперь даже легче будет.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Сегодня в лавке было не протолкнуться. С самого утра пришли крестьяне, потом солдаты с того берега. Всё раскупили. Лопаты — все до одной. Гвозди, доски, верёвки, кирпичи. Даже старые пилы забрали.

— Зачем? — тихо спросила Кася, хотя уже знала ответ.

Он пожал плечами:

— Говорят, укрепления строят. Окопы роют. Кто для армии, кто для себя — погребам укрепляют, сараи. Люди боятся, вот и готовятся.

Он снова посмотрел на деньги.

— Таких денег за один день я ещё никогда не приносил.

Кася слушала и ощущала странное смешение чувств. Облегчение — потому что муж рядом и, кажется, останется дома. Стыд — потому что их семье пока легче, когда другим хуже. И тревога — потому что, если покупают лопаты, значит, землю скоро будут копать не под посадки.

Станислав накрыл её ладонь своей и кивнул в сторону колыбели:

— Пока нас это не коснулось напрямую.

Она молча прижалась к его плечу. Ей хотелось верить каждому его слову. Но где-то глубоко внутри Кася уже понимала: если война дошла до лопат и досок, значит, она совсем рядом — просто ещё не постучалась в их дверь. Но сейчас любимый человек был дома, и этого оказалось достаточно, чтобы впервые за долгое время страх отступил. В ту ночь Кася спала спокойно, уже не одна, а со своей тревогой.

Только после окончания войны она узнала, что тот листок о мобилизации, прочитанный ею в центре города, стал приговором для Иосифа — брата Станислава — и Ярека, её первой любви. Оба погибли в боях под Ригой.

Глава 2. Тётя Соня. Эвакуация. 1915 год

Прибалтика дрожала под далёким гулом артиллерии. Двинск становился прифронтовым городом. Немецкое наступление приближалось, и власти Российской империи объявили эвакуацию.

Железнодорожные станции были переполнены. Поезда шли перегруженными: люди ехали на крышах вагонов, сидели на узлах, держали на руках детей. Платформы были забиты чемоданами, иконами, мешками с одеждой, детскими колясками и клетками с домашней птицей. Уезжали чиновники, ремесленники, еврейские семьи, рабочие, учащиеся. Многие сами не знали, куда направляются и надолго ли покидают родной город. Военные спешно вывозили заводское оборудование, архивы, казённое имущество. То, что не успевали отправить, уничтожали на месте. Город постепенно пустел. Всё чаще попадались закрытые лавки, заколоченные окна, брошенные дворы. Улицы становились непривычно тихими. Оставались только те, кому было некуда ехать, или те, кто не успел.

Для Двинска 1915 год стал переломом. Город выжил, но уже никогда не стал прежним. Эвакуация означала не только спасение — она рвала семьи, судьбы, привычную жизнь.

Но в доме Ясинских пока сохранялось относительное спокойствие. Иногда до окраины долетал глухой гул снарядов, но сами они сюда не падали. Поскольку их дом стоял последним на улице, почти у самого пустыря, поблизости не было ни военных складов, ни заводов, ни переправ. Станислав всё чаще оставался дома. Переплывать Двину на лодке становилось опасно, да и его лавка на другом берегу в любой момент могла пострадать от случайного обстрела. Вскоре выяснилось, что он не только хороший торговец, но и мастер на все руки. Станислав начал плести корзины из лозы, делать мебель, хозяйственную утварь, деревянные игрушки. У маленького Валериана, которому уже шёл второй год, появились собственный столик и маленький стульчик, сделанные отцом. Мальчик уже уверенно ходил, пытался говорить, проявлял характер, но оставался послушным и ласковым ребёнком. Родители радовались каждому его новому слову, каждому неуклюжему шагу. Станислав пообещал, что к зиме сделает сыну настоящие санки. Иногда Касе казалось, что война остановилась где-то далеко и никогда не переступит порог их дома. Но осенью всё изменилось.

В один из октябрьских вечеров к ним пришла тётя Соня — сестра Касиной матери. Она выглядела уставшей и непривычно молчаливой. Сняв платок, она сразу сказала:

— Назначили всеобщую эвакуацию. Мы уезжаем завтра.

Кася молча смотрела на неё, не сразу поняв смысл этих слов. Тётя Соня тяжело опустилась на стул.

— С четырьмя детьми здесь больше нельзя оставаться. Да и страшно уже... У Георгия в Смоленске есть дальние родственники. Обещали помочь.

Она говорила спокойно, но в голосе слышалось напряжение человека, который уже не имеет права на слабость. Больше всего её тревожило другое — сестра, Касина мать, отказалась уезжать.

— Говорит, не выдержит дороги. Всё надеется, что скоро станет легче.

Кася пыталась успокоить тётю:

— Я буду к ней ходить. Не волнуйся. Она не останется одна.

Женщины обнялись. Соня долго не отпускала племянницу, словно заранее прощалась не только с ней, но и со всей прежней жизнью.

Поздно вечером Станислав отвёз родственницу домой на бричке. Вернулся он усталым и молчаливым. Осторожно поцеловал спящего сына, затем Касю и почти сразу лёг спать. А Кася ещё долго лежала без сна и думала, что завтра обязательно пойдёт к матери и простится с семьёй тёти Сони.

Софья Семёнова — в девичестве Пипина, полька — всю жизнь прожила в Двинске. В семье все говорили по-русски. Её муж Георгий был человеком серьёзным и хозяйственным: много лет назад он собственными руками построил дом для семьи.

Теперь этот дом приходилось оставлять. Собрав самые необходимые вещи в небольшой сундук и мешки, Софья вышла во двор. Медленно обошла дом, закрывая ставни. Потом перекрестила входную дверь. По её щекам текли слёзы. Она прощалась не просто со стенами — со своей жизнью. Дом стоял крепко и спокойно, словно не верил в происходящее. Толстые стены хранили запах хлеба, дерева и речной сырости, доносившейся с Двины. Здесь рождались дети, праздновались именины, переживались болезни, звучал смех.

Софья ещё раз вошла в дом. Провела рукой по столу, задержалась у икон, посмотрела на детские кровати. Из окна был виден тёмный силуэт Двинской крепости — массивный и тревожный. Сюда война пришла не с грохотом, а с тишиной сборов. Георгий молча ходил по двору, проверял упряжь, перекладывал узлы, снова возвращался в дом. Каждая вещь казалась тяжёлой не из-за веса, а потому, что приходилось решать, — брать её с собой или оставлять навсегда. Дети сидели непривычно тихо. Старшие уже понимали: происходит что-то страшное. Софья собирала детей, как собирают рассыпавшееся ожерелье: терпеливо, осторожно, стараясь не дать распасться семье раньше времени в этой тревоге, ошеломившей всех.

На рассвете они выехали к вокзалу. Тот появился внезапно — шумный, переполненный, живущий какой-то болезненной жизнью. Телега остановилась, и семья сразу растворилась в огромном людском потоке. Вокзал гудел, как потревоженный улей. Перроны были забиты людьми, вещами, плачущими детьми. Воздух был тяжёлым от угольного дыма, пара и человеческого дыхания. Всё смешалось: страх, усталость, растерянность. Семья старалась держаться вместе, словно это могло защитить от хаоса вокруг. Георгий стоял возле телеги и всё время смотрел на длинный тёмный состав. Мысль о Смоленске придавала происходящему хоть какой-то смысл. Там были его родственники. Там была крыша над головой. Там можно было переждать войну. Но даже эта надежда не приносила покоя. Софья ощущала вокзал всем телом: холод камня под ногами, сырость воздуха, толчки чужих плеч. Она постоянно пересчитывала детей, будто боялась потерять одного из них в этой людской реке.

Когда подали поезд, толпа резко ожила. Люди бросились к вагонам. Послышались крики, детский плач, команды железнодорожников. Лица исчезали, кругом были спины, локти, узлы. Вагоны принимали всех одинаково — солдат, стариков, матерей с детьми. Посадка больше походила не на начало пути, а на последнее усилие человека, у которого уже не осталось сил ни на страх, ни на слёзы.

Внутри было темно и тесно. Семья устроилась на деревянных нарах среди чужих вещей и чужого дыхания. Поезд дёрнулся, остановился, снова дёрнулся, словно сам не был уверен в том, что должен ехать. Наконец колёса тяжело закричали. За окном медленно поплыли перрон, крыши домов, люди, оставшиеся ждать других поездов или другой судьбы. Двинск уходил постепенно — не сразу, не резко, а как уходит из памяти что-то очень близкое: сначала ясно, потом всё расплывчатее, пока не остаётся только чувство потери. Впереди была Россия. Дорога на Смоленск. И вместе с ней — тяжёлая, неуверенная надежда.

На следующее утро Кася поднялась раньше обычного.

— Побудь сегодня с Вале́й, — попросила она мужа. — Мне нужно к маме.

Станислав молча кивнул.

Женщина шла пешком по знакомой булыжной дороге, которую каждое утро видела из окна спальни. Осенний воздух был пропитан сыростью и запахом опавших листьев. Чем ближе она подходила к городу, тем чаще приходилось уступать дорогу телегам с людьми и их скарбом. Лица у всех были одинаково усталые и потерянные. Проходя мимо Двинской крепости, Кася опустила голову, чтобы не смотреть туда. Не хотелось вспоминать ни юношеские мечты, ни

прежнюю себя. Она слышала только строевые команды, топот сапог, ржание лошадей и редкие выстрелы. Хотелось скорее уйти — и от прошлого, и от настоящего.

Когда Кася вошла в родной дом, сердце её сжалось. Мать почти невозможно было узнать. Она сильно похудела, побледнела, тяжело дышала. Грудь разрывал мучительный кашель. Чихотка быстро забирала её силы. В глазах уже не осталось прежнего тепла — только усталость и тихое смирение. Дом тоже изменился. В комнатах чувствовалось запустение и беспомощность, словно сама жизнь постепенно уходила отсюда вместе с хозяйкой. Кася сразу поняла: мать держится из последних сил.

Она долго сидела у постели, рассказывала о внуке, о Станиславе, о том, как муж заботится о ней и ребёнке. Мать слушала молча, и в её взгляде появлялось спокойствие.

Когда больная уснула, Кася прибрала в доме, укрыла мать одеялом, осторожно поцеловала её руку и тихо вышла. К тёте Соне зайти и проститься она уже не успела.

Домой Кася возвращалась быстро — её ждали муж и сын. Когда она вошла в дом, на столе лежало письмо от брата Петра. Кася сразу узнала его почерк и почувствовала, как сильнее забилося сердце. Послание оказалось коротким, написанным наспех, но главное — Пётр был жив. Она развернула лист. «Дорогая Кася! Пишу тебе наконец несколько строк. С осени 1913 года, когда меня призвали и я служил в Либаве на флоте, не было возможности подать о себе весть. Теперь сообщаю: в этом году по инициативе латышских общественных деятелей разрешено формирование батальонов латышских стрелков в составе Русской императорской армии, и меня переводят в Рижский батальон. Я горжусь этим назначением. В стрелковые батальоны отбирают надёжных и стойких людей. Нам доверено защищать Ригу и охранять родную землю. Скоро меня переведут ближе к фронту.

Целую тебя, сестрёнка. Помолимся друг за друга. Твой брат Пётр».

Обратного адреса на письме не было. Оставалось только ждать новых вестей.

Глава 3. Красный стрелок. Рига — Россия. 1916—1918—1922 годы

Пётр увидел Ригу ранним зимним утром 1916 года. Поезд медленно втягивался на станцию, и сквозь мутное стекло вагона город казался суровым и настороженным, будто сжатым в кулак. Над крышами стоял сизый дым. Пахло углём, снегом и чем-то железным — войной. Это была не та Рига, о которой рассказывали моряки в Либаве: не торговая, не праздничная, а фронтовая, напряжённая. Пётр стоял на перроне, прижимая к груди скатанную шинель: в двадцать четыре года гордость ещё сильнее страха. Столица выглядела тревожно и суетно. На улицах — солдаты, обозы, мешки с песком у витрин. Женщины шли быстро, не поднимая глаз. Где-то вдали глухо ухнул взрыв. Пётр поймал себя на мысли, что смотрит на город не как на место службы, а как на дом, который нужно удержать любой ценой «Пока мы здесь, германцы не пройдут», — подумал он. Скоро ему пришлось доказать это в одном из самых кровопролитных сражений войны.

Рождественская ночь была чёрной и тихой — от такой тишины звенело в ушах. Тирельское болото лежало впереди, укрытое снегом, изрезанное проволокой и воронками. Немецкие позиции угадывались по редким огонькам и тяжёлой, настороженной тишине. Пётр сидел в окопе, прижавшись спиной к мёрзлой земле. Пальцы онемели, винтовка казалась чужой. Кто-то рядом шептал молитву, кто-то — имя матери. Он не молился. Он вспоминал Либаву, море, серые волны — и Ригу, за которую теперь отвечал и он. Страх почти не было — только ощущение, будто на грудь положили тяжёлый камень. Пётр понимал: против них — не просто солдаты, а армия, пришедшая на их землю как захватчик. И это делало всё ясным. Команда подняться прозвучала глухо, будто из-под воды. Всё началось сразу — криком, вспышками, рвущимся воздухом. Пётр бежал, проваливаясь в снег, спотыкаясь о тела — сначала чужие, потом свои. Пулемётная очередь резала темноту, как нож ткань. Он стрелял коротко, почти машинально, как учили: прицел — выдох — выстрел. Он видел, как упал парень слева, который ещё утром шутил про горячий хлеб в Риге. Видел, как офицер махнул рукой и исчез в дыму. Немецкая ракета осветила поле — и на мгновение стало видно всё: разорванный снег, проволоку, людей, бегущих сквозь огонь, и тех, кто уже никогда не поднимется. Мыслей почти не осталось. Только одна: не отступать. Когда рядом разорвался снаряд, его швырнуло в сторону и оглушило. Пётр лежал лицом в снегу и чувствовал вкус крови во рту. Но руки и ноги слушались. Значит, жив. К утру всё стихло.

Пётр сидел на краю окопа и смотрел на серое небо. Вокруг стояла тишина — страшнее самого боя. Слишком много пустых мест. Слишком мало голосов. Из их батальона осталось меньше половины. Он не чувствовал ни радости, ни прежней горячей гордости. Осталось другое чувство — тяжёлое и твёрдое знание, что он сделал всё, что должен был. Рига стояла за его спиной. Он понимал: город ещё падёт, война не закончилась, справедливость не приходит сразу. Но в ту ночь на этом болоте латышские стрелки доказали, что их земля — не пустое место и не чужая добыча. Пётр выжил. И с этого дня он навсегда узнал цену словам «долг», «родина» и «ответственность» — не по лозунгам, а по крови на снегу и тишине после боя.

Летом 1917 года латышские стрелковые батальоны были объединены в Латышскую стрелковую дивизию. Осенью немцы вошли в Ригу. Это не было похоже на штурм — скорее на опустошение. Отступающие обозы, усталые лица, отсутствие дисциплины. Никто уже не говорил о победе. Говорили только о том, что всё рушится. Фронт словно растворился.

После Октябрьской революции часть латышских стрелков поддержала большевиков. Однажды вечером стрелки собрались в пустом складском помещении. Без строя, без знамён — просто люди, уставшие от войны. Кто-то читал вслух листовку: «Долой старую армию. Мир

— народам, земля — крестьянам. Фабрики — рабочим. Вся власть Советам. Право наций на самоопределение».

Слова звучали грубо и просто, но в них была ясность, которой больше не осталось ни у старой власти, ни у разрушенной армии.

— Они говорят, что войны больше не будет, — сказал кто-то рядом.

— И что нас перестанут посылать умирать за чужие интересы.

— И что каждый народ сможет сам решать свою судьбу.

Последние слова особенно задели Петра. Он не поверил сразу. Но и отвергнуть их не смог. Впервые в жизни он задумался: кто он сам? В его семье были польские, латышские, русские фамилии. Дома звучала польская речь. В гимназии говорили по-русски. Среди товарищей — по-латышски, по-немецки, по-еврейски. Так кто же он? Поляк? Русский? Латыш? И где его родина? За кого он воевал? Но слова о мире, земле и равенстве были понятны каждому человеку, уставшему от войны.

Позже, лёжа на полу склада, Пётр думал не о лозунгах, а о другом: его прежняя война закончилась, а новая ещё не началась. И если не выбрать сторону самому, её выберут за тебя.

Февральская революция пришла не с торжеством, а с ощущением распада. В казармах стало шумнее, но не бодрее. Приказы доходили с опозданием. Караулы менялись кое-как. Офицеры больше не говорили уверенно. Некоторые солдаты просто исчезали. По вечерам спорили о власти, о земле, о будущем. Однажды утром Пётр увидел у ворот толпу солдат и рабочих. Кто-то держал в руках газету. Слова в заголовках статей крупным шрифтом бросались в глаза: «Царь отрёкся». «Временное правительство». «Свобода». Слова казались непривычными, словно пришли из другой жизни. Рабочие и солдаты говорили друг другу то, что прочли или слышали от кого-то:

— Говорят, в Петрограде стреляли.

— Говорят, всё теперь будет иначе.

Пётр слушал молча.

Он заметил, что слово «Латвия» почти никто не произносит. Говорили о власти, хлебе, свободе, но не о стране.

И тогда он впервые почувствовал странную пустоту. Он воевал за империю или за Латвию? За Латвию — потому что здесь были его дом и семья. За империю — потому что именно она много лет определяла порядок жизни и защищала эту землю от чужой власти. Но империя рассыпалась. А независимой Латвии ещё не существовало. Между ними образовалась пустота — такая же, какая теперь жила внутри него самого.

В 1918 году после Брест-Литовского мира латышские стрелки были выведены с фронта. Многие вступили в Красную армию. Однажды командир сказал Петру:

— Формируется полк красных латышских стрелков. Не хочешь быть зачисленным в него: Нужны люди, умеющие держать строй.

Пётр согласился. Не из убеждений — скорее потому, что другого пути у него не было. Уходить было некуда. Время снова требовало выбора.

Никакой торжественности не было. Ни присяги, ни музыки. Его просто внесли в список нового подразделения. Среди стрелков он снова оказался среди своих — по памяти, по языку, по прошлой жизни. Но теперь они воевали уже не за землю, а за новый порядок, который ещё только обещали построить. Иногда в редкие минуты тишины Пётр замечал, что начинает думать иначе: не «моя страна», а «наша страна», не «Рига», а «революция».

Об окончании Первой мировой войны он узнал в Москве. 11 ноября 1918 года было подписано перемирие между Германией и странами Антанты. Но для Петра война на этом не закончилась. Вместе с другими стрелками он оказался втянут в Гражданскую войну в России. Решение воевать в России не казалось ему предательством. Как и все жители Латвии, он был воспитан как подданный Российской империи. Он был ещё молод и всё ещё верил, что большие

перемены способны создать справедливый мир. Красные латышские стрелки ценились новой властью: дисциплинированные, образованные, умеющие соблюдать порядок, они выполняли самые ответственные задания. Но между собой стрелки всё равно говорили о Латвии.

В 1919 году доходили слухи, что Красная армия заняла почти всю территорию Латвии, кроме Либавы. В Риге была провозглашена Латвийская Советская Республика. Но одновременно рождалась и другая Латвия — та, что стремилась к независимости. Создавались народные советы, формировалось Временное правительство, возникала армия независимой Латвии. Многих бывших стрелков привлекала уже не революция, а идея собственного государства. В феврале 1920 года Красная армия была окончательно вытеснена с территории Латвии. 11 августа был подписан мирный договор между Латвией и Советской Россией. Россия признала независимость Латвии. К 1922 году молодое государство уже имело парламент, конституцию и собственную политическую систему, хотя страна всё ещё оставалась хрупкой и неустойчивой. До красных латышских стрелков эти новости доходили обрывками — через газеты, разговоры, слухи. Многие так и остались в России, опасаясь возвращаться домой. Пётр всё чаще чувствовал усталость. Гражданская война запутала его окончательно. Русские убивали русских, крестьяне — таких же крестьян, как они сами. Он ждал мира, а снова оказался среди войны. За что теперь воевал человек? За власть? За идеи? За выживание? И постепенно Пётр понял: он больше не хочет бороться ни за кого. Ему хотелось только одного — вернуться домой. За годы войны сознание Петра изменилось почти незаметно для него самого. Когда-то ему казалось, что человек обязан выбрать сторону и бороться за великое будущее. Теперь он хотел другого: тишины, дома, земли под ногами и права жить без чужих приказов. Весной 1922 года Пётр вернулся в Латвию.

Часть 3.

Парламентская республика. Латвия. 1922—1939 годы

Глава 1. Возвращение из России в Латвию. Даугавпилс. 1922 год

Поезд выплюнул Петра на перрон быстро и равнодушно, как это умеют делать только поезда, перевёзшие слишком много беглецов и возвращенцев. Вокзал Двинска был знаком и одновременно чужд — те же стены, тот же запах угля и мокрых досок, но в воздухе чувствовалось что-то новое, непривычное, будто город сменил голос.

Пётр поправил шинель — вытертую Гражданской войной, пропахшую дымом и холодом — и машинально нащупал в кармане что-то тяжёлое. Несколько золотых монет. Старые, ещё царские. На одной — профиль императора Николая II. «Николаевки», — пробормотал он с лёгкой усмешкой. Странно было идти с деньгами государства, которого больше не существовало. Империя исчезла, возникла новая советская власть. От вокзала он пошёл пешком — мимо складов, мимо лавок, к рынку. Надо было купить хлеба.

Рынок гудел, жил, шумел, словно война сюда и не заглядывала. Крики торговцев, скрип телег, запах рыбы, кислой капусты и свежего хлеба. Люди говорили громко, оживлённо, спорили — не столько о ценах, сколько о вещах куда более важных. Несколько латышей собрались возле прилавка и обсуждали последние новости.

— Tagad beidzot sava valsts! Наконец-то, своё государство! — с воодушевлением говорил плотный латыш в поношенной, но аккуратной куртке.

— Satversme! Savs likums, sava valoda. Конституция! Свои законы, свой язык!

— Un Ulmanis — īsts saimnieks. Viņš zina, ko zemei vajag. А Ульманис — настоящий хозяин. Он знает, что нужно стране.

Пётр замедлил шаг. Латышскую речь он понимал не идеально, но достаточно хорошо, чтобы уловить главное: Конституция, свой язык, своя земля. Часто звучала фамилия премьер-министра Улманиса — с уважением, почти с надеждой.

«За что хвалят? — подумал Пётр. — За то, что по-латышски теперь говорят не только на кухне, а в государственных учреждениях. За то, что крестьянин почувствовал себя хозяином. За то, что власть находится не где-то в Петрограде, Берлине или Москве, а здесь, в Риге, и вроде бы исходит от народа». Он поймал себя на мысли, что не чувствует несправедливости. Только удивление и осторожное принятие.

Чуть поодаль стояла другая группа людей. Там говорили по-русски, на идише, по-польски, некоторые то на своём языке, то на латышском.

— Школы, говорят, оставят, — негромко произнёс пожилой еврей в потёртом пальто. — По-нашему говорить пока можно. И это хорошо.

— Пока, — мрачно усмехнулся русский мастеровой. — А дальше? Бумаги все на латышском. Работа — тоже. Привыкай.

— Зато не стреляют, — вмешался усатый поляк. — И не реквизируют. После того, что мы видели, мне этого достаточно.

— Да, — согласился кто-то рядом. — Главное, что есть порядок. Закон есть. Не красные и не белые.

В голосах русскоязычных людей не было того восторга, который слышался у латышей, но в них чувствовались усталость и осторожная надежда. Одни говорили о новой власти с тихой гордостью: «Мы здесь. Мы выстояли». Другие — со смирением: язык изменился, вывески тоже, но, может быть, жизнь наконец станет просто жизнью. В разговорах снова и снова всплывало имя Карлиса Улманиса — как имя человека, который говорил о хозяйстве, земле и порядке. Не вождь и не трибун, а земледелец, агроном, человек, обещавший: «Будем строить».

Пётр не знал, к чему это приведёт, но чувствовал: начинается что-то новое, ещё не закончившееся. Он шёл дальше, слушал, запоминал. Он прошёл войну, где слова «власть» и «народ» означали кровь и братские могилы. А здесь были рынок, споры, конституция, напечатанная на бумаге, а не написанная штыком. Пётр остановился, оглянулся на шумную площадь и подумал, что, возможно, впервые за долгие годы вернулся не просто с войны, а в страну, которая пытается жить. Он снова нащупал монеты в кармане. Золото прошлого, которое ещё можно было обменять на хлеб.

Покинув рынок, Пётр вышел на знакомую булыжную мостовую, ведущую к родному дому. Наконец он остановился у калитки, но не сразу решился войти. Его дом стоял на месте — низкий, знакомый до каждой щербинки в бревне, но словно ослепший. Окна были тёмными, занавески исчезли, крыльцо перекошилось. Девять лет назад он уходил отсюда, оглядываясь на мать, сидевшую у окна. Теперь окно смотрело на него пустотой. Он толкнул дверь. Внутри пахло сыростью. Печь давно не топили. На столе не было ничего — ни чашки, ни тряпки, только пыль. В углу валялась перевёрнутая табуретка, словно её когда-то задели, но так и не подняли. Пётр медленно прошёл по комнате. Каждый шаг отдавался глухо, будто дом не хотел его узнавать.

Во дворе картина была ещё тяжелее. Сарай стоял пустой и распахнутый. Ни коровы, ни кур, ни следов жизни. Земля заросла бурьяном, борозды исчезли, словно их никогда не существовало. Всё говорило о том, что хозяйство умерло давно — тихо и без свидетелей. Пётр стоял посреди двора, сжимая кулаки. Мысль о матери не оформлялась в слова. Он будто боялся произнести их вслух и услышать окончательный ответ. Вместо боли пришла растерянность. Что делать? Куда идти? С чего начинать, если начинать больше не с кем? Он вышел за калитку и ещё раз посмотрел на дом — уже не как на родной, а как на место, которое предстояло понять заново.

Потом Пётр повернул к соседнему двору, где жил его школьный товарищ Валдис. Когда-то они сидели за одной партой, дрались из-за пустяков и мирились на следующий день. Валдис остался здесь, а Пётр ушёл на войну. Теперь он шёл к соседу не за ответами, а за живым голосом — единственным, который мог подтвердить, что он действительно вернулся домой. Валдис заметил его ещё из окна и сразу вышел навстречу. Они крепко обнялись, поздоровались и вошли в дом. Валдис поставил на стол кружку молока, нарезал домашний хлеб и первым нарушил молчание:

— Ну рассказывай, сосед. Откуда ты теперь?

— Из России. Не думал, что вернусь вот так — без победы, без веры. Казалось, ехал за новым миром, а вернулся с пустыми руками.

— Пётр, ты живой — и это главное. Мы слышали, что там творилось. Гражданская война... Ты ведь верил тогда?

— Верил. Обещали землю крестьянам, свободу всем, мир сразу. А вышло? Грязь, кровь, реквизиции. Сегодня ты товарищ, завтра — враг народа. Землю видел только в донесениях, свободу — в лозунгах. А мира не было вовсе.

— Тяжёлые слова...

Валдис ненадолго замолчал.

— Знаешь, когда мы здесь воевали за Латвию, тоже было нелегко. Но мы знали, за что сражаемся. За свой дом. За свой язык.

— Ты теперь в армии?

— Да. В латвийской армии. В своей. Не за чужие идеи — за собственную страну. После войны многое изменилось. Немецкие бароны уже не хозяева здешней земли. Селяне получают участки. Люди впервые чувствуют, что государство — это не что-то далёкое, а их собственное.

— А не развалится всё? Партии, споры... Я видел, как идеалы превращаются в приказы.

— Споры есть, это правда. Иногда кажется, что в Сейме только и делают, что спорят. Но в этом и есть жизнь. В этом году приняли Сатверсме, ты понимаешь, Конституцию. Теперь власть идёт не от винтовки, а от закона. Есть парламент, выборы, права граждан.

— Закон... После всего, что я видел, трудно поверить, что бумага способна защитить человека.

— Может, если люди готовы её защищать. Сатверсме не обещает рая. Она устанавливает правила. Даёт возможность работать, учиться, выбирать власть и жить по закону.

Пётр задумчиво кивнул:

— Будем надеяться, что новое государство не станет делить людей по происхождению, языку или вере.

— Пока что всё выглядит иначе. Вот я латыш, а ты поляк. Да, государственный язык латышский. Но ты имеешь такие же права гражданина, как и я. Поляки, русские, евреи — у всех есть возможность участвовать в выборах, создавать свои общества, учить детей на родном языке.

— А что с собственностью? Я видел, как в России отбирали землю и дома.

— Здесь другое. Если имущество принадлежит тебе по закону, никто просто так его не отнимет. Землю можно покупать и продавать, можно вести своё хозяйство, открывать лавку или мастерскую. Конечно, после войны многое меняется, но всё делается по закону, а не по прихоти очередного комиссара.

Пётр впервые за весь разговор улыбнулся.

— Мне трудно сразу всё это понять. Но спасибо тебе, Валдис. После того, что я пережил, такие слова дорогого стоят.

— Ничего, сосед. Осмотришься, привыкнешь. Главное — ты дома.

Пётр поднялся из-за стола. Он всё ещё чувствовал растерянность, но где-то глубоко внутри уже зарождалась надежда. Впереди ждала непростая жизнь, однако теперь она казалась ему не тупиком, а дорогой. Попрощавшись с Валдисом, он вышел на брусчатку. Ошеломлённый всем увиденным и услышанным, Пётр почти не замечал дороги. Ноги сами понесли его через город — туда, где жила его сестра Кася.

Глава 2. Сестра и брат Пипины. 1922 год

Разговор с Валдисом не выходил у Петра из головы. Когда латыши боролись за независимость своей страны, он, уроженец Латвии, воевал в Красной армии. В России он видел, как вчерашние товарищи превращались во врагов, как людей арестовывали, расстреливали, лишали имущества только за несогласие с новой властью. И теперь его не покидала тревога. Не случится ли то же самое здесь? Не вспомнят ли однажды, на чьей стороне он воевал? Не обвинят ли в измене? Не отнимут ли землю? Но вспоминались и другие слова Валдиса: «Мы с тобой равны как граждане Латвии. Закон один для всех». Пётр хотел верить, что это правда.

Наконец он подошёл к дому сестры, который выглядел ухоженным и крепким. Стены были обшиты новыми досками и покрашены, ставни отремонтированы, трава вокруг аккуратно скошена. Жёлтые осенние листья липли к сапогам. Калитка была не заперта. Сразу было видно: здесь обитают люди, которые не просто выживают, а строят жизнь. Пётр облегчённо вздохнул и вошёл во двор. Дверь дома оказалась открыта. Он шагнул на кухню и замер. За столом сидела Кася. Она держала на коленях маленького ребёнка и кормила его из ложечки. Рядом стоял ещё один мальчик — лет восьми, серьёзный и притихший. Пётр снял пальто и долго смотрел на сестру, будто проверял, не сон ли это.

— Кася...

Она подняла голову. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Потом сестра вскочила со стула:

— Пётр!

Они крепко обнялись.

— Я боялась, что никогда тебя больше не увижу, — тихо сказала она.

— А я боялся, что не узнаю тебя.

Кася улыбнулась сквозь слёзы:

— Садись. Господи, сколько лет прошло... Мы ведь не виделись с тринадцатого года.

Пётр сел за стол.

— После пятнадцатого года я не смог написать ни строчки.

— Мы получили только одно письмо. Ты писал, что служишь в Риге. Потом началась война, и всё оборвалось. — Она посмотрела на детей. — А жизнь всё равно шла дальше. Вот мой старший — Валериан. Мы зовём его Валик.

Мальчик робко подошёл ближе.

— Поздоровайся с дядей.

— Здравствуйте, дядя.

— Здравствуй, богатырь, — улыбнулся Пётр и потрепал его по плечу.

— А это Эдик. Ему скоро исполнится год.

Младший ребёнок внимательно смотрел на незнакомого гостя.

Пётр перевёл взгляд на сестру.

— Значит... мама умерла?

Улыбка сразу исчезла с лица Каси.

Она медленно кивнула.

— В шестнадцатом году.

В комнате стало тихо.

— Она долго болела, — продолжила Кася. — Всё спрашивала о тебе. Очень хотела увидеться ещё хоть раз.

Пётр опустил глаза.

— Я не знал.

— Она успела дожидаться твоего письма из Риги. Потом ей стало хуже.

Некоторое время оба молчали.

— Мне жаль, — наконец сказал Пётр.

— Мне тоже.

Сестра вздохнула и посмотрела в окно.

— Война много у кого забрала родных. У Стасика брат погиб под Ригой в шестнадцатом году. Нам сообщили, что погиб геройски. Но разве от этого легче?

— Нет, — тихо ответил Пётр.

— Потом были революции, смена властей, страх. Мы жили и не знали, что будет завтра. — Она посмотрела на младшего сына. — Поэтому я долго не решалась родить второго ребёнка.

— Из-за войны?

— Из-за неизвестности. Война закончилась, а спокойствие не пришло сразу. Только последние годы стало казаться, что жизнь наконец возвращается в своё русло.

— И тогда появился Эдик?

— Да. — Кася улыбнулась. — Он родился уже в другое время. Как будто чувствовал, что пришёл в более спокойный мир.

Пётр внимательно посмотрел на сестру.

— Ты стала сильнее.

— Нет, — покачала головой Кася. — Просто устала бояться.

Некоторое время они сидели молча.

Потом Пётр негромко спросил:

— Можно мне побыть у вас несколько дней?

Кася удивлённо посмотрела на брата:

— Конечно, можно. Ты же дома. — Она положила руку ему на плечо. — Осень длинная. Нам ещё есть о чём поговорить. И есть о ком помолчать.

Станислав пришёл с работы рано, словно почувствовал, что Касе нужна помощь. Но на самом деле в этот день он закрыл свой магазин раньше обычного: с самого полудня шёл сильный дождь, покупателей почти не было.

За обедом Стас и Пётр разговорились. Больше говорил Станислав, а Пётр с интересом слушал рассказы о тех годах в Латвии, которые прошли без него.

— Тяжёлое было время, Петро, — начал Стас. — Как война началась, пришлось мне лавку закрыть. На том берегу Даугавы стреляли, бомбы падали. Народ боялся лишний раз на улицу выйти. Какая уж тут торговля...

— Трудно вам пришлось, — сказал Пётр.

— А как же. Жили хозяйством. Землю обрабатывал, за скотиной смотрел. Касе помогал ребёнка растить. Тем и держались. День за днём проживали, всё надеялись, что война когда-нибудь кончится.

Стас немного помолчал и продолжил:

— А после войны жизнь потихоньку начала налаживаться. Не сразу, конечно, но стало спокойнее. Помню, город наш даже новое имя получил. Раньше Двинском звался, а в двадцатом году стал Даугавпилсом.

— Вот как?... — удивился Пётр. — Даугавпилс в переводе с латышского означает «замок на Даугаве».

— Ага. И народ понемногу к новой жизни привыкал. На мосту через Даугаву уже не так опасно стало. Поездов меньше ходило, люди свободно на другой берег переходили. Ну и я подумал: чего сидеть без дела? Снова открыл свою лавку. — При этих воспоминаниях Стас невольно улыбнулся.

— Хорошо дело пошло?

— Не сразу, но всё наладилось. Когда власть другая пришла, парламентская. И знаешь, что мне в ней нравилось? Человеку давали жить своим трудом. Землю мне оставили: хозяй-

ствуй на здоровье. Никто просто так добро не отбирал. Хотел работать — работай, хотел своё дело вести — веди. Это правильно. — Стас стукнул ладонью по столу. — Потому я и за торговлю снова взялся. Считаю так: пока есть люди, которые работают на себя, хозяйство ведут, торгуют, мастерят, страна крепко стоит. На таких людях вся экономика и держится.

Пётр внимательно слушал и только кивнул:

— Верно говоришь, Стас.

Пётр переночевал у Каси и Станислава. Утром хозяин дома ушёл в магазин, а после домашних дел брат и сестра отправились на кладбище. Они спустились с горки на ту же булыжную мостовую, по которой Пётр пришёл накануне, только теперь шли в противоположную сторону — прочь от города. Оба молчали. Мостовая тянулась через пустынное пространство и глухо отзывалась под шагами, будто сама понимала, что это дорога скорби. Вокруг не было ни домов, ни людей. Лишь песчаные дюны по обе стороны, ещё не тронутые снегом, лежали под серым ноябрьским небом. Воздух был холодным, прозрачным и одновременно тяжёлым.

Вскоре они вошли в сосновый лес. Высокие стволы стояли неподвижно, и лишь редкие пожелтевшие иглы тихо падали на землю. В глубине леса показались католические кресты. Брат и сестра свернули с дороги. Кладбище было простым, без оград, без памятников. На их семейном участке стояли две могилы: отца Каси Антона и матери Анны. Кресты темнели на фоне серого неба. На деревянном кресте отца была укреплена небольшая железная фигурка распятого Христа — холодная и неподвижная, как сама смерть. Крест матери был железным и укреплён на цементном постаменте, побелённом известью, к которому была прикреплена белая эмалированная табличка с надписью: Анна Ивановна Пипина 1878—1916.

Пётр стоял молча, не поднимая глаз. Его не было рядом, когда мать умирала. Он находился в России и узнал обо всём слишком поздно. Эта мысль жгла сильнее осеннего ветра. Брат и сестра осторожно, словно боясь потревожить покой усопшей, молча убрали с могилы сухие листья, потом присели на скамейку рядом с могилками. Каждый прошептал свою молитву. И так же молча они ушли, оставив позади сосновый лес, кресты и боль, которая не заживает до конца никогда.

По дороге домой Пётр много думал. Он понимал, что не может долго жить у сестры, у которой были свои заботы, семья. Нужно было устраивать собственную жизнь. Он вспомнил разговор со Станиславом о локомотиворемонтном заводе в центре города. Во время Первой мировой войны Двинск оказался прифронтовым городом. Часть оборудования и рабочих была эвакуирована в глубь России, производство почти остановилось. Теперь же предприятие постепенно восстанавливалось уже в составе Латвийских железных дорог. Там ремонтировали паровозы и вагоны, возвращая к жизни технику, повреждённую войной. Пётр решил, что попробует устроиться туда работать. Он будет зарабатывать, жить экономно, ремонтировать родительский дом, обрабатывать землю, заведёт хозяйство. Если понадобится, возьмёт кредит. А через несколько лет женится и создаст собственную семью.

Тогда ни Станислав, ни Кася ещё не знали, что в 1928 году у них родится дочь, она тоже будет Касей, но в паспорте уже не Екатериной, а Катриной. Не знали они и того, что будущую жену Петра будут звать Хелена, что она окажется моложе его на восемнадцать лет и станет крёстной матерью дочери Ясинских.

Когда брат и сестра подошли к дому Каси, Пётр поблагодарил её за гостеприимство, рассказал о своих планах, крепко обнял сестру и, попрощавшись, пошёл дальше — к своему дому за старой крепостью.

Дорога была долгой. Шагая по знакомым улицам родного города, Пётр размышлял о прожитых годах. Россия многое ему показала. Именно там он понял, как легко можно ошибиться. Государство обещало крестьянам землю, но уже в 1917 году Декретом о земле уничтожило само право собственности на неё. Военный коммунизм, продразвёрстка, запрет частной торговли, национализация — всё это Пётр видел собственными глазами. Он видел разруху,

усталость людей и страх, который прятался за громкими словами о новом будущем. После революции старый мир ломали слишком быстро, слишком беспощадно. Человек в этом вихре превращался лишь в часть огромной безликой массы. Вернувшись в Латвию уже взрослым мужчиной, он постепенно начал понимать разницу. Из разговоров со знакомыми, из рассказов сестры и Стаса, из собственных наблюдений он видел, что здесь жизнь менялась иначе. Без насилия над смыслом человеческого труда, без разрушения самого понятия дома и собственности. Россия дала Латвии возможность стать свободной. А новая латвийская власть сумела этой свободой воспользоваться разумно. Там разрушали старое до основания. Здесь строили новое, опираясь на порядок, ответственность и уважение к человеку. И теперь Пётр ясно осознал главное. Его ошибка заключалась не в том, что он искал лучшей жизни. Его ошибка была в том, что он искал её вдали от дома. Он поднял взгляд на осеннее небо. Моя Родина — Латвия. Мой город. Мой дом. Моя земля. Здесь покоятся мои родители. Здесь живут мои родные. Здесь будет жить моя будущая семья. И впервые за долгие годы Пётр почувствовал не тревогу и не сомнение, а спокойную уверенность. Он вернулся и больше никогда не собирался покидать дом, землю и страну.

Глава 3. Семья Пипиных. Пётр и Хелена. 1930 год

Деревня, затерянная среди холмов и лесов, лежала в тридцати километрах от Даугавпилса — там, где дороги были со следами тележных колёс, не похожие на настоящие тракты, где время текло медленно, как река с низкими берегами. Пётр узнал о смерти дальних родственников неожиданно — через короткое сухое письмо. В нём было сказано главное: взрослых больше нет, а в их доме осталась одна приёмная дочь, Хелена. Дом стоит пустой, хозяйство заброшено. Сердце Петра сжалось. Он понял сразу: если он не поедет, никто не поедет. Он взял у Станислава бричку, запряг лошадь и отправился в путь ранним утром, когда туман ещё лежал на полях, словно не решаясь отступить перед солнцем.

Когда Пётр приехал в деревню, его встретила тишина. Дом стоял словно осиротевший: перекосившееся крыльцо, пустой хлев с распахнутыми дверями, двор, заросший высокой травой и крапивой. Поле за домом не было убрано — рожь полегла, смешавшись с сорняками. В этом запустении чувствовалось не просто отсутствие хозяев — чувствовалась беда. Пётр медленно слез с брички и подумал, что приехал вовремя. Ещё немного, и всё бы окончательно умерло.

В доме было прохладно и темно. Запах старых балок, холодные комнаты, скрипящие и давно некрашенные полы — всё говорило о нищете и одиночестве. Он вошёл в первую попавшуюся дверь и увидел стоящую спиной к нему девочку. Услышав скрип двери и чьи-то шаги, она повернула голову и удивлённо посмотрела на Петра. Это была девушка, молодая и очаровательная: светлая кожа, чуть румяные щёки, тёмно-русые волосы, собранные в простую косу, и большие серо-голубые глаза — настороженные, но удивительно глубокие. В них было сразу всё: страх, надежда и не по годам взрослость. Пётр замер. Он никогда прежде не был женат, никогда не думал, что девичья красота может ударить так — внезапно, как удар ножа. С первого взгляда он понял: это она. Они познакомились просто — она сразу назвала своё имя: Хелена. Он назвал своё, но говорил осторожно, боясь спугнуть её. Девушка отвечала тихо, смущаясь и опуская глаза. Когда он сказал, что заберёт её к себе и что она не будет одна, Хелена долго молчала, покраснела, сжала руки и кивнула. Согласие было скромным, но искренним. Они уехали вместе.

Отремонтированный родительский дом Петра — крепкий, светлый, с чистыми окнами и новой крышей — встретил их совсем иначе. Во дворе стояли аккуратные постройки: сарай, хлев, амбар. Земля была ухоженной, тропинки утоптаны, забор ровный. За домом стоял хлев, а дальше, насколько хватало взгляда, колыхалось поле, засеянное льном. В солнечные дни оно становилось голубым, словно кусочек неба упал на землю.

Скоро Пётр и Хелена привыкли друг к другу, потом поняли, что есть какое-то неотвратимое, взаимное притяжение, которое и называется любовью. Пётр сделал ей предложение, и они обвенчались. Ему было 38 лет, а невесте 20. Венчание прошло тихо, без лишней роскоши, но с настоящей радостью. Чем дольше они были рядом друг с другом, тем сильнее становилась привязанность. Они любили друг друга — просто, глубоко, по-настоящему. Детей сразу не было. Но любовь не слабела — наоборот, становилась крепче, как дерево, пережившее бури. Наконец через два года у них родились мальчики-близнецы Валдис и Гунтарс. В начале 1934 года родилась девочка, её назвали Велта.

Пережив войну в Латвии и в России, потеряв родителей в тяжёлые годы эпидемий и смут, Пётр наконец почувствовал себя счастливым.

Глава 4. Предприниматели. Правление К. Улманиса. 1934 год

Станислав проснулся рано, как обычно. Кася уже ушла в костёл. Сегодня она собиралась поговорить с ксёндзом о первом причастии дочери Катрины, которой исполнилось шесть лет, поэтому мать отправилась на утреннюю службу ещё затемно.

Дом был непривычно тих. Станислав выпил кружку молока с ломтем хлеба и вышел во двор. Сегодня он решил не ехать в свой магазин за Двиной. Хотелось посмотреть, как справляется Эдик по хозяйству. Сыну скоро исполнится пятнадцать лет. Учёба в латышской школе давалась ему нелегко, зато к работе он тянулся охотно. Станислав всё чаще задумывался, что пора приучать мальчика к самостоятельности. Со старшим сыном всё складывалось иначе. Валериан окончил ремесленное училище, работал счетоводом и мечтал получить образование бухгалтера в Риге. «Каждый идёт своей дорогой», — пробормотал Станислав.

Он направился к хозяйственным постройкам. За последние годы многое изменилось. Слева от дома стоял крепкий сарай под железной крышей. Внутри были аккуратно сложены дрова, лежали инструменты и строительные материалы. Дальше располагались хлев и конюшня. Хозяйство нельзя было назвать большим. В хлеву стояли всего одна корова и коза. В конюшне — две лошади. Но всё было ухожено и содержалось в порядке. Станислав любил смотреть на то, что удалось построить собственными руками. Когда-то у него почти ничего не было. Теперь были дом, семья, земля и работа. Он остановился возле огорода и посмотрел вдаль. Летнее солнце уже поднималось над горизонтом. За полями виднелись редкие домики городской окраины. «Коров бы ещё несколько», — подумал он. Но тут же вспомнил о кредите за участок земли, купленный рядом с домом. Когда-нибудь там появится ещё один дом — для сыновей. Эта мысль грела душу. Забот всегда хватало. Но сегодня настроение было хорошим. За двадцать лет семейной жизни многое удалось сделать. Подрастали дети. Любимая жена была рядом. Маленькая Катрина недавно пошла в польскую школу. А страна вокруг постепенно оправлялась от потрясений прошлых лет. Города росли. На заводах работали люди. Строились дороги. Торговля оживала. Мирная жизнь постепенно брала своё.

Вернувшись в дом, Станислав включил радио. Из динамика доносились новости и речи государственных деятелей. Сегодня говорили о хозяйстве, о сельском труде, о кооперации. Станислав слушал внимательно. Особенно ему запомнилась одна мысль: крестьянам выгоднее работать сообща, чем поодиночке. Когда передача закончилась, он ещё долго сидел за столом. Потом негромко произнёс:

— А ведь дело говорят...

Перед глазами сразу возник Пётр. Зять был человеком надёжным, трудолюбивым и хозяйственным. «Надо поговорить с ним», — решил Станислав. Мысль захватила его настолько, что он тут же начал строить планы: расширить хозяйство, купить ещё коров, наладить производство масла и сыра... А Пётр мог бы заняться льном. Вместе дело пошло бы быстрее. Когда Кася вернулась из костёла, он уже не мог усидеть на месте.

— Я съезжу к Петру, — сказал он, целуя жену в щёку. — Вернусь к вечеру.

— Только не забудь, что завтра Причастие у Катрины.

— Разве такое забудешь?

Через несколько минут бричка уже катилась по дороге. Лошадь шла неторопливо. Станислав смотрел на поля и продолжал обдумывать предстоящий разговор. К дому Петра он приехал ближе к вечеру. У крыльца его встретила Хелена. Она поливала цветы возле палисадника.

— Добрый вечер, Хелена.

— Добрый вечер, Станислав.

— Пётр дома?

— В хлеву. Сейчас позову.

Через минуту появился хозяин. Он вытирал руки полотенцем и выглядел так, словно только что закончил тяжёлую работу.

— Здорово, брат, — улыбнулся он. — Что случилось?

— Во-первых, напоминаю: завтра Катрина принимает первое причастие. Приходите обязательно.

— Даже не сомневайся.

— А, во-вторых, есть разговор.

Пётр сразу посерьёзnel:

— Тогда пойдём в дом.

Они устроились за кухонным столом. Некоторое время Станислав собирался с мыслями. Потом сказал:

— Я думаю расширять хозяйство.

— Это уже интересно.

— Хочу заняться маслом и сыром. Купить ещё коров. Обустроить помещение. Работы будет много.

Пётр внимательно слушал.

— И какова в этом моя роль?

— Лён.

— Лён?

— Конечно. Ты в нём разбираешься лучше меня. Земля у тебя есть, опыт тоже.

Пётр задумался:

— Земли маловато.

— А дом Хелены в деревне? Он ведь пустует.

Пётр медленно кивнул:

— Мы и сами об этом думали.

— Если продать его, можно купить участок рядом с твоим домом.

В комнате повисло молчание. Наконец Пётр улыбнулся:

— Знаешь, Стас... Пожалуй, в этом есть смысл.

— Значит, попробуем?

— Попробуем.

Станислав протянул руку. Пётр крепко её пожал. Они оба понимали, что речь идёт не просто о заработке. Они говорили о будущем своих семей.

За окнами медленно сгущались летние сумерки. Где-то во дворе смеялись дети. А два взрослых человека строили планы, которые, как им хотелось верить, сделают завтрашний день немного лучше сегодняшнего.

Глава 5. Первое причастие. Катрина. 1934 год

Утро было тихим, почти прозрачным. В комнате Катрины свет ложился на пол тонкой полосой — солнце только поднималось. Белое платье висело на спинке стула, аккуратно разглаженное ещё с вечера. Катрина смотрела на него с тем особым вниманием, когда вещь кажется важнее обычного: не просто одеждой, а знаком дня, который запомнится. Кася застёгивала дочери пуговицы медленно, чтобы не спешить и не нарушить торжественность этого времени. Пальцы её чуть дрожали — не от волнения, а от чувства, что дочь сегодня делает шаг, который уже нельзя назвать детским.

— Не бойся, — сказала она тихо, больше себе, чем Катрине.

Станислав стоял у двери, держа в руках маленькую коробочку с розарием. Он почти не говорил — только посмотрел на дочь, поправил ленту на её волосах и кивнул, будто признавая: ты готова.

Катрина была в белом — простом, светлом. Не как принцесса, а как летнее утро.

В костёле пахло воском и свежими цветами. Каменные стены хранили эхо шагов и голов, но сегодня всё звучало мягче. Дети сидели вместе, и Катрина чувствовала плечо рядом, но в то же время знала, что идти придётся одной. Когда началась месса, она слушала, стараясь не отвлекаться. Слова были знакомыми — их учили заранее, но сегодня они звучали иначе, медленнее, будто обращались именно к ней. Настал момент, когда священник задал вопросы. Катрина выпрямилась и вместе с другими сказала:

— Верю.

Голос её был тонким, но уверенным. Это слово не требовало объяснений — его нужно было только сказать. Когда пришло время Причастия, Катрина вышла из ряда. Шаги показались длиннее, чем обычно. Она сложила руки, как учили, и остановилась перед алтарём. Мир вокруг будто отступил: ни родителей, ни других людей — только свет, тишина и ожидание. Священник посмотрел на неё и произнёс:

— Тело Христово.

Катрина ответила:

— Аминь.

Одно слово — простое, короткое. Но в нём было согласие, доверие и что-то очень личное, что нельзя было объяснить. Она вернулась на место и опустилась на колени. Внутри не было ни громкой радости, ни страха — только спокойствие, будто всё встало на своё место. После мессы Екатерина обняла дочь крепко, не сразу отпустив. Станислав улыбнулся и сказал:

— Теперь ты стала чуть старше.

Катрина не совсем поняла, что это значит. Но она знала: этот день останется с ней. Не из-за платья и не из-за праздника после первого причастия, а из-за того тихого мгновения у алтаря, когда она сказала: «Аминь», и это было по-настоящему её слово.

Дом встретил их запахом еды и голосами чуть громче обычного, будто его стены тоже знали, что сегодня праздник. На столе уже стояли тарелки, белая скатерть была расправлена без складок, а в центре располагался небольшой букет цветов. Хелена, крёстная мать Катрины, первая наклонилась к ней. Она поцеловала девочку в щёку и поправила венок:

— Сегодня ты была очень собранной, — сказала она с улыбкой, в которой было больше гордости, чем слов.

Пётр пожал Катрине руку — серьёзно, почти по-взрослому.

— Теперь у тебя есть день, который ты будешь помнить всегда, — произнёс он.

Катрина не до конца поняла смысл, но кивнула, запомнив интонацию.

За столом сначала говорили негромко, словно всё ещё находились в костёле. Екатерина разливала суп, Станислав разрезал хлеб — аккуратно, как будто продолжал утренний ритуал.

Белое платье девочки чуть шуршало, когда она садилась, и это напоминало ей о том, что день всё ещё продолжается.

— Волновалась? — спросила Хелена.

— Немного, — честно ответила Катрина. — Но, когда я произнесла слово «Аминь», стало спокойно.

Пётр улыбнулся:

— Значит, так и должно было быть.

Скоро пришли братья. Эдик ещё учился в латышской школе, ему было трудно осваивать неродной язык, и иногда он уходил с последних уроков. Ему было 14 лет, но парень уже решил, что через пару лет пойдёт работать на локомотиворемонтный завод и будет ремонтировать вагоны. Он пришёл домой раньше старшего брата. Вале уже исполнился 21 год, после школы он окончил ремесленное училище и уже работал счетоводом в банке. Он явился позже всех, поздравил сестру, поцеловал в щёку и подарил шоколадку. За столом постепенно разговор стал живее. Говорили о школе, о том, как Катрина выросла, о мелочах, которые обычно остаются незамеченными. Смех звучал легко, без спешки. Этот обед не был шумным праздником — скорее тихим закреплением того, что уже произошло.

Когда подали торт, Екатерина зажгла маленькую свечу. Не для желания — просто, чтобы был свет. Катрина смотрела на огонёк и чувствовала усталость, но хорошую, как после долгой прогулки. Станислав поднял бокал:

— За Катрину. И за то, чтобы она всегда помнила сегодняшний день, — не как обязанность, а как начало новой жизни.

Катрина посмотрела на всех: на мать, отца, Хелену, Петра. Она не знала, какими будут следующие годы. Но знала, что этот стол, этот день и это чувство спокойной близости останутся с ней надолго. И впервые ей показалось, что взрослеть — это умение хранить такие моменты внутри.

Когда разговоры за столом начали стихать, Хелена встала и на мгновение замялась, будто подбирая слова, которые нельзя сказать второпях. Она достала из сумки небольшой молитвенник — тёмный, с чуть потёртыми краями, такой, который легко помещается в ладони.

— Это тебе, Катрина, — сказала она, передавая подарок. — Он маленький, чтобы ты могла носить его с собой. Не обязательно читать каждый день. Просто знай, что он рядом.

Катрина взяла его осторожно, как берут что-то живое. Страницы тихо зашелестели. Она провела пальцем по обложке и вдруг ясно почувствовала: это не просто подарок, а знак того, что кто-то будет идти с ней рядом: не впереди и не позади, а рядом, столько, сколько потребуется.

— Спасибо, крёстная, — сказала она и впервые за день обняла Хелену сама, а не по подсказке взрослых.

Пётр посмотрел на них и кивнул — без слов, но в этом взгляде было обещание: я тоже здесь. Он положил руку крестнице на плечо — уверенно, по-отцовски, но иначе, чем Станислав: не как тот, кто ведёт, а как тот, кто поддерживает. Катрина почувствовала, что её любят не за платье, не за правильные слова в костёле, а просто потому, что она есть. И это чувство оказалось сильнее всего, что произошло сегодня. Кася смотрела на дочь, на крёстных и вдруг поняла, что сделала для неё самое важное — окружила её людьми, перед которыми не нужно доказывать, кем ты стал. Станислав молча поднял бокал, и все поняли этот жест одинаково. Катрина прижала молитвенник к груди. Она ещё не знала всех слов, которые в нём написаны, и не понимала всех смыслов. Но она знала другое: когда-нибудь, в день, когда ей будет трудно или страшно, она откроет эту маленькую книгу и вспомнит этот стол, тёплые голоса, спокойные взгляды и слово «Аминь», сказанное не по обязанности, а от доверия. И тогда она снова почувствует то же самое — что она не одна.

Гости начали понемногу вставать из-за стола, дети смеялись во дворе, а женщины собирали посуду. Станислав вышел проводить Петра и Хелену к калитке. Воздух был тихий, наполненный запахом сирени и прелого сена. Катрина — в белом платье, со свечой в руках — стояла рядом с матерью, всё ещё сияющая после торжества.

— Спасибо, что пришли, — сказал Станислав, взяв шурина за руку. — Для нас это важный день.

— И для нас, — ответил Пётр. — Катрина — молодец, настоящая девочка-ангел.

— Пусть Господь хранит её, — добавила Хелена с улыбкой. — Праздник получился добрый, как в старые времена.

На мгновение они все замолчали, слушая, как вечерние колокола звучат со стороны костёла. Потом Станислав, будто вспомнив, чуть наклонился к другу:

— Пётр, ты обдумал, о чём мы говорили?

Пётр на мгновение задумался, потом перевёл взгляд на жену.

— Что скажешь, Хелена? Что мы вчера решили?

— А что, хорошее дело. Земли у моих родителей за городом было много, всё пустует, — тихо ответила она. — Можно продать ту усадьбу и купить участок ближе к нашему. Пускай всё будет рядом.

— Вот и правильно, — оживился Станислав. — Валериан поможет с бухгалтерией, Эдик — по хозяйству.

— Согласен, Стас, — твёрдо сказал Пётр. — Мы с Хеленой съездим к её земле, оценим всё. Если нужно будет, возьмём ещё кредит. Главное, чтобы начали вместе.

— Тогда договорились, — сказал Станислав. — Пусть сегодняшнее Причастие станет не только праздником для Катрины, но и добрым началом для всех нас.

Родственники обменялись крепким рукопожатием.

В тот вечер, когда гости разошлись и дом снова погрузился в тишину, Станислав долго не гасил свет. За окном звёзды мерцали над садом, и ветер мягко колыхал занавеску. Всё казалось простым и ясным: труд, семья, будущее. Он чувствовал уверенность — как будто впереди ждёт не одно трудное, но верное дело. О войне тогда никто ещё не думал. Жизнь шла своим чередом — спокойная, надёжная, полная тихой веры в завтрашний день. Они все улыбнулись, глядя на заходящее солнце. Семейный день подошёл к концу, но в сердце каждого теплилось новое чувство — будто сама жизнь открыла перед ними дорогу, по которой стоит идти вместе.

Глава 6. Письмо от тёти Сони. Латвия. Россия. Германия. 1937 год

После полудня из школы пришла Катрина. В этом году ей исполнилось девять лет, и она училась во втором классе польской школы. Учиться было легко — дома нужно было только почитать учебник. Мама её покормила, похвалила, поцеловала в щёчку и разрешила погулять во дворе.

— Спасибо вам, мама, — поблагодарила девочка, взяла книжку и вышла из дома.

Во дворе никого не было: ни соседей, ни подружек. Папа часто говорил, что все деньги отдаёт банку. «Интересно, где же эта банка?» — подумала Катрина. Она обошла весь двор, заглянула под скамейки, осмотрела кусты, зашла в сарай — но банки нигде не было. Стало грустно: «Велосипед родители мне не купят...»

Девочка села на скамейку напротив двери дома, раскрыла книжку и стала читать. Во двор вошёл незнакомый мужчина и спросил, где мама. Катя показала на дверь, пригласила его войти, а сама ушла в сад: она знала, что мама не разрешает слушать разговоры взрослых.

Кася встретила гостя. Он был одет в странную, непривычную форму и заговорил по-русски.

— Здравствуйте. Я сопровождаю торговые составы из России в Германию. Принёс вам письмо от вашей родственницы, тёти Сони. Я живу в Смоленске, мы с ней соседи. Она дала мне ваш адрес и попросила передать письмо лично. Латвия для нас — граница, а по почте сейчас небезопасно: письма проверяют. Соня боится лишний раз показывать связь с Латвией. Вы не виделись с пятнадцатого года?

— Да... — только и смогла ответить Кася.

Она поблагодарила гостя, вынула из кармана несколько лат и протянула ему:

— Передайте тёте Соне привет и мою благодарность. Скажите, что мы живы и у нас всё в порядке.

Кася закрыла за ним дверь и с письмом в руках прошла на кухню. Села на стул. На конверте не было ни марки, ни адреса, ни имени. Осторожно вскрыв его, она начала читать:

«Дорогая моя Касенька! Не знаю, дойдёт ли это письмо до тебя, но сердце не позволяет мне молчать. Двадцать два года мы ничего не знали друг о друге — целая жизнь. Когда в 1915 году мы из-за войны вынуждены были покинуть Латвию, мы думали: ненадолго. А вышло — навсегда. Сначала расскажу о нас, родная. Мы с Григорием приехали в Смоленск и живём здесь до сих пор. Он русский — крепкий, упрямый, ты его помнишь. Это нас и спасло. Дом его родных уцелел в Гражданскую войну, но самих родственников нет: погибли. Каждый раз, проходя мимо старого крыльца, Григорий снимает шапку. В этом доме мы и остались. Дети выросли. Нашей доченьке двадцать девять лет, она замужем, детей пока нет — не спешат в напряжённое время. Сыновей трое: старшему двадцать шесть, среднему двадцать пять, младшему двадцать четыре. Все работают, не женаты, стараются быть незаметными. Россия теперь называется Советским Союзом. Говорят, победили неграмотность, и наши дети учились в русской школе, получили образование. За это я благодарю судьбу: не у всех здесь так сложилось. Иногда по вечерам Григорий говорит: «Хоть тяжело, а дети наши живут не зря». Революцию мы пережили с надеждой, Гражданскую войну — со страхом и голодом. Бывало, ели один хлеб да воду, бывало, и того не было. Люди исчезали, возвращались другими или не возвращались вовсе. Когда нам сказали, что теперь будет новая, справедливая жизнь, мы поверили и работали молча. Земля здесь государственная, но возле дома у нас есть маленький сад и огород — он спасал в голодные годы и помогает сейчас. Заводы, фабрики, банки, магазины — всё государственное. Сейчас, в 1937 году, живём вроде бы устроено: у всех есть работа,

карточек нет, город растёт, строят, учат, лечат. Но одно чувство не покидает — будто новая война близко. Сыновья молодые, не всё понимают. Иногда по радио ловят Германию. Говорят, там теперь один возждь, сильная власть, строгий порядок. Слышно и другое: что там есть тайная полиция, что людей забирают по ночам, что есть лагеря, откуда не возвращаются. Говорят, особенно тяжело приходится коммунистам, евреям, тем, кто не согласен. А ведь если будет война, то Германия и Советский Союз станут врагами? Самое страшное, что и здесь, в России, люди шепчутся о лагерях где-то на Севере. Газеты пишут одно, а люди чувствуют другое. Народ стал тише. Соседи — вежливее, но глаза отводят. По ночам иногда слышно, как за кем-то приходят, и тогда в домах не спят, будто воздух становится тяжёлым. Про тех, кто всем этим ведает, стараются не говорить вслух. Мы боимся не за себя — за детей. Мы не партийные, мы приезжие, из страны, которую здесь называют капиталистической. Время такое, что лучше быть незаметным.

Я скучаю по тебе, по Двинску, по той жизни, когда мы были молоды и не считали шаги. Если сможешь, ответь. Даже несколько строк будут для нас радостью.

Крепко обнимаю тебя, моя родная.

Твоя тётя Соня.

Смоленск, 1937 год»

К вечеру с работы пришли сыновья. Валериан окончил польскую школу и ремесленное училище, работал счетоводом и мечтал в следующем году поступить в университет в Риге, чтобы стать главным бухгалтером. Ему было двадцать три года. Эдуард после пятнадцати лет бросил школу и полностью погрузился в работу, помогал отцу в магазине. Старший сын, хотя работал счетоводом в банке, но и в семье помогал по вечерам. Кася покормила сыновей, и они уехали на велосипедах к Петру — помогать со скотом и осенним урожаем.

Последним вернулся домой муж. Письмо всё ещё жгло Касе руки — оно было и радостным, и тревожным, почти опасным. Сначала она накормила Станислава: не хотелось волновать его сразу. После ужина, когда он развернул газету, Кася тихо подошла, обняла мужа, взяла газету из его рук и протянула письмо:

— Пришло письмо от тёти Сони.

Станислав читал долго и молча. Потом аккуратно сложил листы, посмотрел на жену и сказал тихо:

— Никому его не показывай. И писать туда пока не надо.

В комнате повисла тишина. Кася уже погасила лампу. Письмо тёти Сони лежало сложенным на краю стола. Но его содержание не давало покоя. Слова из Смоленска не кричали — наоборот, были слишком тихими. От этого и становилось тревожно.

Уверенный и сильный мужчина, порядочный муж и отец лежал, глядя в потолок. Прочтя письмо из России, Он тоже не мог уснуть и сравнивал — не нарочно, само выходило: «Здесь, в Латвии, я хозяин: своей земли, своего труда, своего кооператива. Государство не заглядывает мне в карман и не спрашивает, о чём я думаю по ночам. Меня поощряют за работу, за расчётливость, за порядок. Я знаю: что посеял — то и собрал. А там, в России, по письму Сони, будто всё чужое. Земля не их, дом не их, даже слова не всегда свои. Частную собственность отменили, крестьян согнали в колхозы, труд — по норме, жизнь — по приказу. Они живут, да, но живут, как будто в гостях у государства, которое может в любой момент напомнить, кто здесь главный. Соня пишет осторожно, но я понимаю между строк: в России теперь люди боятся. Боятся ночью, шагов на лестнице, лишнего слова. Аресты, лагеря, расстрелы — всё это не слухи. Я слышал о „врагах народа“, о чистках, о том, как исчезают инженеры, военные, учителя. Коммунистическая диктатура — она не терпит ни сомнений, ни памяти о прошлом. Но и Германия.... Я знаю о концлагерях — Дахау, Заксенхаузен, о запрете партий, профсоюзов, о том, что коммунисты и социал-демократы либо в тюрьмах, либо в бегах. Я слышал и о том,

как евреев выталкивают из профессий, из жизни, как им запрещают быть равными. Рабочие там тоже не хозяева — шаг в сторону, и за тобой придут люди в чёрном. И всё же... Советский Союз для меня — тёмный, чужой, враждебный. Там сломали старый мир и не построили человеческий. Германия же, при всех жестокостях, выглядит сильной, собранной, уверенной в себе. Там нет хаоса, как после революции, там порядок. Европа смотрит на Берлин — и не отворачивается. Репрессии — это ужасно и в России, и в Германии. Но страх перед восточной диктатурой сильнее. С Гитлером считаются. Его слушает Европа, люди ему поверили и подражают? В Риге мужчины носят такие же причёски, как фюрер, и одинаково подстригают усы — значит, в этом есть правда. Значит, фюрер что-то понял раньше других и ему поверил народ. А мои дети, кем им суждено стать — свободными хозяевами или винтиками чужой машины? Я не хочу быть ни слугой немцев, ни подданным русских. Латвия — мой дом. Но маленький дом стоит между большими стенами. И всё же мысль упрямо возвращается: если за человеком идут миллионы, если вся Европа склоняет голову...»

Станислав резко сел на кровати. Подошёл к зеркалу. В отражении — усталое лицо человека, который хочет верить в силу и порядок. Он взял ножницы, потом бритву. Долго смотрел, будто сомневался, а потом сбрил длинные полоски усов над губой, оставив под носом два чёрных прямоугольника.

Казалось, пришло спокойствие, но последней его мыслью была война. Запах её стоит в воздухе, как перед грозой. С востока — СССР, с его армией и непонятной идеологией. С запада — Германия, перевооружённая, уверенная, готовая. Если начнётся, кто придёт в Латвию? Кого заставят выбирать? И будет ли вообще выбор? А война уже стояла у порога и терпеливо ждала, когда её впустят...

Глава 7. Предвестие войны. Пётр Пипин и Станислав Ясинский. 1939 год

После обеда Станислав поехал в центр города, где находился филиал Рижского коммерческого банка. Нужно было выбрать прибыль кооператива и расплатиться с дольщиком Петром за год. В банке всё было в порядке: кредиты и налоги оплачены, деньги на депозите копились, задолженностей по зарплате не было. В кассе ему выдали десять тысяч лат наличными. Станислав вышел из банка довольный, сел в бричку и поехал к Петру.

Двор большого, недавно обновлённого дома утопал в последних красках августовского вечера. Всё вокруг было ухожено, по-хозяйски ладно. Пётр и Станислав сидели за столом во дворе. Вечерело. В воздухе стоял запах сена и тёплого молока. Станислав отдал Петру деньги:

— Ну вот, партнёр, поздравляю. Наш кооператив работает с прибылью. Это твоя доля от производства масла и сыра, а продадим лён, и я уверен, что прибыль будет ещё больше. Я начну наконец строить второй дом, и ты можешь расширяться. Мы с тобой уже не просто работники, а хозяева. Завтра поедем за подарками жёнам и детям.

Пётр решил посоветовать:

— Думаю, что пока деньги надо поберечь. В банке поговорить, может, облигации купить или в американский либо шведский банк перевести часть прибыли с депозита. Время тревожное.

— Да, ты прав. Сейчас Валериан в Риге, в университете сдаёт экзамены. Я могу завтра съездить на поезде в Ригу. Вместе мы обсудим этот вопрос, а потом с тобой решим.

Станислав ненадолго замолчал и продолжил:

— Знаешь, я всё чаще думаю: мир опять на краю. В газетах пишут — кризис, везде беспокойство. В Германии шумят, в Польше тревожно, в России — социализм, колхозы. Людей с земли согнали. Я этого боюсь. А если Россия со своим строем опять придёт к нам?

— Понимаю тебя, Стас. Всё отберут. Землю у крестьянина отнять — всё равно что душу вынуть. Я через войну прошёл. Сначала германскую здесь, в Латвии, потом гражданскую в России. С тех пор слово «кризис» для меня всегда с запахом крови. А Европа сейчас будто на взводе: заводы работают, но всё больше — на оружие.

— Вот потому я и смотрю на Германию. Гитлер ведь прямо говорит: Arbeit und Brot — работа и хлеб. Он поднял страну. Взял Австрию — и никто не выстрелил. Судеты забрал — опять тишина. Значит, можно? Значит, он сильный. И главное — он против социализма.

Пётр не совсем был с ним согласен:

— Австрию взял — да. Потом Судеты. А потом и всю Чехословакию проглотил, хоть обещал остановиться. Сильный — не значит правый. Когда границы стирают без войны, война всё равно приходит следом. Вот ты читал книгу Гитлера. Что ты понял?

— Да, читал. Гитлер ведь сам из простых. Не барин. Мы с тобой тоже не баре. Но мы хозяева: земля, дом, независимая страна. Я боюсь, что, если советская власть придёт, скажут: «Общее». А что общее? Мой труд — мой.

Пётр продолжил:

— Народ всегда простой. А вот куда его ведут, решают не простые. Я смотрю на Германию и вижу: людей арестовывают, увозят по ночам. Говорят, есть лагеря. Сначала — коммунисты, социал-демократы, потом — евреи. Теперь уже шепчутся про Бухенвальд. Это не про хлеб. Это про страх, Стас!

Стас попытался успокоить Петра:

— Говорят, там держат только врагов порядка. Может, иначе нельзя? Я просто боюсь другого: если Россия вернётся с войной, то будут колхозы, партия, принуждение. Тогда для нас советская власть — враг.

— А если Гитлер придёт с войной, кто тогда будет врагом? Тот, кто не так думает? Не так молится? Не тем родился? Сегодня — евреи, завтра — поляки, послезавтра — кто угодно. Я землю получил от Улманиса. Я работаю, молоко сдаю, лён продаю, всё в Европу уходит. Живём лучше, чем мой отец жил. И без лагерей. Улманис народ не делил по национальностям. Вот мы поляки, у тебя Кася в польской школе учится, а у Гитлера мы славяне, не германцы. Для немцев мы все ниже их.

Станислав был согласен с Петром, но и своё мнение отстаивал:

— Улманис порядок навёл — не спору. Наша Латвия маленькая. А Германия — держава. Только она может остановить большевиков.

— Ты пойми, Стас, справедливая власть — не та, что давит, а та, при которой человек не боится. У нас и латыш, и поляк, и еврей рядом работают. Ты землю купил — и я купил. Вместе лён продаём. Это и есть порядок.

— Пётр, а если русская армия войдёт в Латвию? Я потому и боюсь социализма. У меня два сына. Каждому надо оставить наследство, второй дом поставить. А придут и скажут: «Теперь всё общее».

— В этом я с тобой согласен, Стас. Земля — тому, кто на ней пашет. Потому я и за Улманиса. Он не делит людей по крови, как Гитлер. А когда начинают делить людей и земли, то заканчивают стрельбой.

— Ты думаешь, что Гитлер нападёт?

— Я это чувствую, Стас. Так же, как в четырнадцатом. Слишком много криков, слишком много простых ответов. И слишком много уступок тем, кто требует всё сразу. Европа устала, а усталость опаснее злобы.

— Пётр, а ты слышал про договор Германии с Россией о ненападении? Говорят, подписали.

— Слышал. Вчера в городе только об этом и шепчутся. В газетах — тишина, а люди знают. Все боятся и России, и Германии.

— Здесь, Пётр, я согласен с тобой. Выходит, они договорились между собой. Те, кто громче всех кричали, что их страны враги?

— Выходит, так.

Станислав возмутился:

— А мы? Польша, Латвия, Эстония... Про нас кто-нибудь спрашивал? Нет. Малых не спрашивают, когда большие делят карты.

Станислав вздохнул:

— Значит, всё решится без нас.

— Всегда так решают. А потом говорят: «Так вышло».

— Я думал, если они враги, значит, мы между ними. А теперь выходит, что мы между договором.

— Вот это и страшнее войны. Когда ещё мир, а ты уже понимаешь: твою судьбу решают где-то далеко, за столом, за которым нас нет.

— Я не хочу ни социализма, ни фашизма, и войны не хочу. Ведь только начали жить независимо!

Пётр произнёс разочарованно:

— Вот я и не верю тем, кто обещает мир на бумаге, а втайне делит землю. Я воевал достаточно. Больше не хочу — ни для себя, ни для тебя, ни для наших мальчишек. Я хочу, чтобы наши сыновья строили дома, а не шли в окопы. Мы впервые живём в независимой стране и счастливы. Кто нарушит мир, тот для меня и враг.

— Мы с тобой немного по-разному думаем, Пётр. Я не верю в силу Советского Союза и вижу, что Гитлер сейчас сильнее. А враги и те и другие. Ты веришь в Улманиса, я тоже, но

Латвия в такой войне не сможет устоять, и пусть лучше будет фюрер, чем Советы. Ты, Пётр мне как брат. Я рад, что могу говорить с тобой честно.

— И я рад. Пусть политики спорят громко. Для нас главное — людьми остаться.

Мужчины молча смотрели на поле. В хлеву мычали коровы. Над землёй стояла тёплая, тревожная тишина ещё мирного августовского вечера. Ни Пётр, ни Станислав ещё не знали, что через несколько дней Германия нападёт на Польшу и начнётся война. Не знали они и того, что совсем скоро Латвия потеряет свою независимость. На её землю войдут сначала советские войска, потом немецкие. Власть будет меняться, а вместе с ней — судьбы людей. Впереди будут раскулачивание и аресты, фронт и оккупация, страх и потери. Впереди будут годы, которые навсегда разделят жизнь на «до» и «после». Но пока над полями Латгалии ещё стояло мирное небо, и двое друзей надеялись, что успеют достроить дома, вырастить сыновей и сохранить всё, что создали своим трудом.

Часть 4.

Вторая мировая война. Польша. Германия, Россия, Латвия. 1939—1945 годы

Глава 1. Первые жертвы войны. Янек. Польша, Латвия. 1939 год

Война началась ранним утром, когда было ещё темно и тихо. 1 сентября 1939 года немецкая авиация поднялась в воздух, а артиллерия открыла огонь вдоль всей западной границы Польши. Слово «немец» внезапно стало звучать как приговор.

Польская армия сражалась. Связь оборвалась в первые часы. Приказы путались. Части отступали, не понимая, куда и зачем. На дорогах горели танки, в полях лежали убитые лошади, в городах рушились дома. Немцы наступали быстро — танками, самолётами, стремительными обходами и окружениями. Поляков не столько уничтожали, сколько сжимали в кольца.

1 сентября Янек, студент исторического факультета в Варшаве, закончив занятия, пошёл за хлебом, а возвращаясь домой, попал в другой мир. Люди бежали по улицам, кто-то кричал, кто-то молился, а над городом впервые завывли сирены. В тот же день в центре города на досках объявлений появилась информация о мобилизации.

Янек стоял в коридоре дома, сжимая в руках студенческий билет, и смотрел на отца. Тот молча кивнул. Слов не понадобилось.

Никакой романтики — только очередь у военкомата, крики офицеров, запах пота и страха. Янек, как и другие юноши, молчаливо стоял. Его зачислили в Войско Польское, в пехотный полк, сформированный наспех из таких же студентов, рабочих и учителей. Скоро он стал солдатом. Форму выдали старую, местами выпцветшую: серо-зелёный мундир, тяжёлые ботинки, натиравшие пятки до крови, и стальную каску, казавшуюся слишком большой для его головы. В руки вложили винтовку Mauser wz. 29 — холодную, тяжёлую, чужую. Он долго рассматривал её вечером, сидя на нарах, и думал о том, что ещё неделю назад держал в руках книги, а не оружие. Через несколько дней подразделение погрузили в грузовики и отправили на запад.

В середине сентября Янек оказался в одном из окружений после неудачной попытки контрудара на реке Бзура. Поляки заняли позиции в окопах среди полей и редких перелесков. Земля была влажной, пахла глиной и осенней травой. Янек сидел, прижавшись спиной к холодной стенке окопа, и смотрел на серое небо. В голове было пусто. Он ждал. Первые дни прошли в спешке и хаосе. Приказы менялись, офицеры нервничали, солдаты почти не спали. Янек запоминал лица товарищей — худого Владека с вечной улыбкой, серьёзного Чесика, который всё время что-то записывал в блокнот, и Анжея, говорившего о невесте так, будто война была лишь досадным недоразумением.

Первая бомбардировка началась внезапно. Сначала — свист. Потом — оглушительный взрыв, от которого мир словно разорвался. Земля взлетела в воздух, накрыв окоп комьями грязи. Янек упал, ударился лицом о землю, почувствовал во рту вкус крови. Кто-то кричал. Кто-то молился. Кто-то уже замолчал навсегда. Он стрелял, не видя врага. Просто стрелял туда, откуда велся огонь. Руки дрожали, плечо болело от отдачи. В какой-то момент резкая боль полоснула ногу. Осколок прошёл по касательной, разорвав ткань и кожу. Кровь быстро пропитала штанину, но Янек почти не чувствовал боли — только тупое жжение.

Когда всё стихло, окоп словно вымер. Владек лежал, уткнувшись лицом в землю, рядом Чесик — без движения, с открытыми глазами. Анжей сидел, прижав винтовку к груди, опустив голову и закрыв глаза. Янек понял, что остался один. Немцы замкнули кольцо. Стало ясно: дальше — плен. Семнадцатого сентября пришла весть от командира, после которой внутри всё оборвалось: с востока вошли советские войска. Польша оказалась разорвана надвое. Отступать стало некуда.

Ночью, пользуясь туманом и тишиной, Янек выбрался из окопа. Днём прятался, ночью шёл. Форма тёрла плечи, сапоги казались свинцовыми, за спиной висели винтовка и почти пустая сумка. Он шёл через лес, не разбирая дороги. Ориентируясь по звёздам и редким просветам между деревьями, он упрямо двигался на север. Там ещё не было войны. Иногда слышался гул моторов, иногда доносились команды на немецком. Однажды он увидел колонну пленных, которых вели по дороге без оружия, с поднятыми руками.

Тогда Янек свернул ещё глубже в лес. Тот принял его молча. Высокие сосны, влажный мох, запах прелых листьев. Он ночевал под елями, заворачиваясь в плащ-палатку и прислушиваясь к каждому шороху. Иногда ему казалось, что кто-то идёт следом, и тогда сердце начинало колотиться так громко, что он боялся: услышат. Янек не знал, куда именно идёт. Только прочь от войны. Где-то впереди была граница. Он пересёк её ночью, даже не сразу поняв, что оказался в другой стране. Дальше Янек шёл через Литву, избегая дорог и питаясь тем, что удавалось найти или выпросить в редких хуторах. Деревни казались пустыми или настороженно молчаливыми. Люди смотрели с опаской. Иногда давали кусок хлеба, иногда только воду. Форму он не снимал. Не потому, что был храбрым: просто без неё он словно переставал существовать. Нога болела, рана воспалялась, но он продолжал идти. Мысли путались: Варшава, родители, лица погибших товарищей, небо, разорванное взрывами.

К концу пути Янек уже почти не чувствовал себя человеком — скорее тенью, упрямо бредущей на север. Он не до конца понимал, куда идёт, но чувствовал, что движется правильно. Звуки войны остались далеко позади. Однажды он увидел белый дорожный указатель со стрелкой и надписью: LATVIA. Обстановка показалась спокойной, почти мирной. Поля, дороги, хутора — будто война была где-то очень далеко. Это успокаивало и одновременно пугало. Польша осталась далеко позади, а он шагал по чужой стране. Ноги подкашивались, голова гудела от голода и усталости. Он снова шёл через леса, видел вдали хутора, но заходить боялся.

Наконец Янек вышел к широкой реке, которая текла спокойно и величаво. За ней показался город. Он перешёл мост и вышел наугад на дорогу, не понимая, куда она его приведёт. Булыжная мостовая была холодной и неровной. Каждый шаг отдавался болью. В городе горели редкие фонари. Окна домов были тёмными, двери закрытыми. На улицах не было ни души. Измученный болью, страхом и усталостью, Янек дошёл до окраины. Последний дом на конце улицы стоял на невысоком пригорке. Окна были закрыты ставнями. Солдат, переживший разгром его войска, ранение и сотни километров пути через леса, долго стоял у калитки, собираясь с силами. Потом осторожно открыл её. Было темно и тихо. Хозяева, вероятно, давно спали. Впереди виднелся тёмный сад, а за ним справа — длинное деревянное строение с низкой крышей. Похоже, конюшня. Дверь открылась легко. Внутри пахло сеном и лошадьми. В темноте тихо фыркнули две лошади, почуяв человека. Янек закрыл за собой дверь, опустился на колени и впервые за долгое время позволил себе заплакать — беззвучно, трясаясь всем телом. Потом лёг на сено. Оно было тёплым и мягким. Мысли медленно расплывались.

Впервые с начала войны он почувствовал себя в относительной безопасности. Один и живой. Сено тихо шуршало под ним, дыхание становилось ровнее. Перед тем как уснуть, Янек подумал, что война только начинается. Но эта ночь принадлежит ему. Он закрыл глаза.

Глава 2. Солдат и хозяйка. Даугавпилс. 1939 год

Ещё не было пяти утра, как Станислав поднялся с постели, надел выходной костюм, белую рубашку с галстуком и новые кожаные ботинки. Сегодня он первым поездом поедет в Ригу, в Латвийский банк, как и обещал Петру. Заодно навестит сына Валериана в университете. Что-то редко тот писал, молчаливым стал. Наверное, девушка у него появилась. Кася тоже проснулась, быстро накормила мужа, обняла его и сказала:

— Жду тебя вечером. Люблю тебя.

Младший сын уже был на ногах — собирался на работу в магазин отца. Ехать на велосипеде далеко, но после постройки нового моста через Двину к семи утра Эдик уже будет стоять за прилавком. Дочь Катрина ещё спала. Ей было всего одиннадцать лет, школа недалеко, и можно поспать подольше. У Каси оставалось несколько часов для хозяйства. Она вышла на крыльцо. Небо было ясным, солнце то выглядывало из-за облаков, то снова пряталось. Кася посмотрела на двор, на дом, на сад и подумала: «Слава Богу. Всё есть. Муж жив-здоров, дети рядом, хозяйство идёт». Сначала она зашла в хлев и подложила коровам сена. Потом услышала, как в конюшне заржали лошади.

Дверь была приоткрыта. Кася вошла и остановилась. На сене лежал парень лет восемнадцати. Сначала ей показалось, что он просто спит. Она подошла ближе, потрогала лоб. Не горячий. Попробовала разбудить. Парень не проснулся. Тогда она увидела форму. В глаза сразу бросились окровавленная штанина, грязные сапоги и хвоя, прилипшая к подошвам. Карман гимнастёрки был расстёгнут. Кася осторожно достала военный билет. «Белковски Ян Адамович. Родился 1 сентября 1921 года в Кракове. Поляк. Мобилизован в Войско Польское». Она посмотрела на его лицо. Совсем мальчишка. Почти как её Эдик. «Господи... Такой же ребёнок». И вдруг Кася подумала о своих сыновьях. Сегодня этот парень лежит у неё в конюшне, а завтра на его месте могут оказаться Валя или Эдик. От этой мысли стало тревожно. Надо было что-то делать.

Кася поняла, что сейчас главное — дать ему выспаться. Поднять его она всё равно не сможет. Лекарств дома нет. Просить помощи опасно. Если кто-нибудь узнает, полиция заберёт солдата, а у семьи могут быть большие неприятности. Ещё утром всё было спокойно и понятно. А теперь война вдруг вошла в её двор. Не с пушками. Не с газетными заголовками. А с этим грязным раненым мальчишкой в солдатской форме. Она вывела лошадей в поле, вернулась в конюшню, поставила рядом кувшин воды, прикрыла ватной курткой сына и заперла дверь на замок. Пусть пока спит.

Дома Катрина уже проснулась и позавтракала. Вместе они отправились в центр города: Катрина — в школу, а Кася — в магазин. В этот магазин она ходила много лет. Его хозяйкой была еврейка Сара — женщина умная, расторопная и добросердечная. На её прилавках всегда можно было найти всё необходимое: продукты, посуду, бельё и даже лекарства. У самой Сары была большая семья: муж, двое взрослых сыновей и маленькая дочка Адель. В трудные времена она часто выручала людей: давала продукты в долг, а потом терпеливо ждала, пока долг смогут вернуть. Так бывало и у Каси. Подругами они не были, но знали друг друга давно.

По дороге Кася придумала историю. Скажет, будто Эдик косой поранил ногу.

Сара не стала задавать лишних вопросов. Собрала бинты, спирт, порошки, какие-то таблетки и микстуры. Кася купила ещё хлеб, копчёное мясо и консервы, поблагодарила хозяйку магазина и поспешила домой. Там пока никого из родных не было. Она зашла в сарай, где стояла маслобойня. Сегодня была пятница. Масло и сыр уже отвезли на рынок, а работников она отпустила на выходные. Кася спустилась в подвал. Там было прохладно, сухо и чисто. Вдоль стен стояли шкафы с продукцией. В углу помещения нашлось место для матраса, подушек и одеяла. Зачем она всё это готовит, Кася ещё сама толком не знала. Об этом надо будет пого-

ворить со Стасом вечером. Но сейчас она чувствовала только одно: оставлять мальчишку в конюшне надолго нельзя. Парень уже, наверное, проснулся.

Услышав польскую речь, Янек заметно успокоился и поздоровался.

— Dzień dobry, pani... Dziękuję za wodę... — тихо сказал он, пытаясь подняться.

— Nie trzeba wstawać, chłopcze. Leż spokojnie, — ответила Кася и положила руку ему на плечо. — Полежи. Сейчас помогу.

Она осторожно сняла окровавленные штаны, промыла рану спиртом, присыпала порошком и перевязала. Янек лишь крепче сжал зубы.

— Jak się nazywasz?

— Jan... Janek Belkowski.

— Dobrze, Janku. Teraz przebierzesz się w ubranie mojego syna.

Она принесла одежду Эдика и помогла ему переодеться. Потом поставила рядом кувшин молока, кружку, яйца, сыр, хлеб и копчёное мясо.

— Jedz i odpoczywaj, Janku. Wczorzem wróci mój mąż. Pomyślimy, co dalej robić. — Потом добавила мягко: — Ty już się dosyć tej wojny naciерpiałeś. — Кася показала на ведро в углу. — Я сейчас закрою тебя. Не выходи. Тут ведро есть. Вечером придём со Стасом. Соседей рядом нет. Только смотри — никому о себе ни слова.

— Bóg zapłać, pani...

Она вышла и заперла дверь. Перед тем как уйти, ещё раз оглянулась. В полумраке конюшни Янек показался ей совсем маленьким и одиноким. И сердце у неё болезненно сжалось. Когда стемнело и дом затих, Кася взяла фонарь и ключи. Она тихо открыла дверь конюшни. Янек не спал, сидел у стены и ждал.

— Cicho, Janku — шепнула она. — Pójdziemy teraz do piwnicy. Tam będzie bezpiecznie.

Он поднялся, опираясь на винтовку как на костыль. Кася подставила плечо. Медленно, шаг за шагом, они дошли до сарая и спустились в подвал. Фонарь освещал шкафы, бочки и ящики. В углу уже лежали матрас, подушки и одеяло.

— Вот здесь будешь жить, — тихо сказала Кася. — Сюда никто не ходит.

Янек осторожно сел на матрас. Провёл рукой по одеялу. Будто не верил, что всё это для него.

— Myślałem, że już nigdy nie będę spał w łóżku... W okopie, w lesie... wszędzie tylko ziemia...

Кася улыбнулась:

— Tutaj nie ma ziemi. Tutaj jest piwnica, mleko i ser.

Янек тихо рассмеялся. Наверное, впервые за долгое время.

— Слушай, Янек, если ночью станет плохо, постучи в трубу. Я услышу. Только тихо. У меня дети дома.

— Rozumiem, pani Kasiu. Będę cicho jak mysz.

Когда фонарь погас, Янек ещё долго лежал без сна. Подвал пах молоком, камнем и немного яблоками. Не было ни команд, ни выстрелов, ни взрывов. Только тишина. Он прошептал короткую молитву и впервые за долгое время уснул спокойно.

Станислав вернулся из Риги последним вечерним поездом — немного уставший, но довольный. Он обнял Касю у порога, поцеловал её в лоб и улыбнулся:

— У меня две хорошие новости.

— Какие? — спросила она, и сердце у неё ёкнуло.

— Во-первых, — начал Станислав, — я купил акции Латвийского банка. Будем получать с них проценты.

— А вторая? — чуть улыбнулась Кася.

— Наш Валя скоро получит лицензию бухгалтера. — Он сделал паузу и нерешительно продолжил: — И ещё я узнал, что он влюбился.

— А кто же она? — взглянула Кася на мужа.

— Польша, из Риги. Работает в порту. Зовут её Вилия, целый год уже встречаются, — тихо сказал Станислав.

Кася чуть помолчала, а потом улыбнулась:

— Ему ведь уже двадцать пять. Пора жениться, — сказала она радостно. — Хочется, чтобы дети были счастливы.

Сердце её по-прежнему пело, но тут оно ёкнуло снова:

— Знаешь, я боюсь, — тихо сказала Кася. — Война уже идёт. Немцы напали на Польшу, а с востока идут русские. наших мальчишек тоже могут призвать. Я не хотела тебя тревожить, но у нас уже сегодня есть настоящая опасность: утром в нашей конюшне я нашла раненого польского солдата. Нам надо ему помочь, и как можно быстрее. Он совсем молод, как наш Эдик. Что с ним делать?..

Станислав тяжело опустил на стул.

— Беда это, — выдохнул он. — Но нам о сыне надо думать. А ты о каком-то мальчике.

— Стас, — тихо ответила Кася, — ты ему спасёшь жизнь, а завтра наши сыновья могут оказаться в таком же положении. Лучше пока пусть будет здесь, чем на улице, — сказала она твёрдо.

Станислав посмотрел на неё и кивнул:

— Ладно... Раз уж Бог его к нам привёл, не будем его гнать. Пусть пока побудет в подвале.

Кася облегчённо вздохнула:

— А в понедельник мы отвезём этого Янека в Ригу, — добавил Станислав. — Валентин с Вилей помогут. Если найдём корабль в Швецию или в другую нейтральную страну, отправим его. Дам ему денег на дорогу.

— Хорошо, — сказала она и поцеловала мужа в щёку.

В понедельник утром над Двиной ещё висел холодный туман. Станислав вывел из сарая худощавого парня в поношенном пальто и кепке. Янек едва переставлял ногу, опираясь на костыль:

— Помни, — тихо шепнул он, — ты наш дальний родственник из-под Кракова. Приехал помогать в лавке. Никуда не ходи и никому про армию ни слова.

— Rozumiem, pan Stanislaw, — кивнул Янек. — Nigdy nie zapomnę...

Станислав передал ему папку и сумку и подтолкнул к поезду. На маленькой платформе было шумно: крестьяне тащили к корзинам картошку, студенты несли чемоданы, мелькали латвийские солдаты. У газетного лотка продавец громко выкрикивал заголовок: «Подписан пакт о взаимопомощи с Советским Союзом». Люди переглядывались: новость о договоре с СССР только что появилась в газетах, и это означало скорую явку в Латвию советских войск.

Станислав поправил на парне кепку:

— Смотри в пол, говори мало, — наставлял он Янека, когда вошли в купе. — Слушай всё.

Поезд дёрнулся и устремился вперёд. За окнами мелькали тёмные поля и деревья с опавшими листьями. В купе сидели пожилая пара, студент с книжкой на немецком и торговец в длинном пальто, который пах яблоками и табаком.

— В Ригу? — спросил торговец по-русски.

— Да, — кивнул Станислав. — По делам в банк. А это мой племянник, едет к сыну.

Янек осторожно улыбнулся. Душа ещё сжималась от страха и усталости, но в этот момент он почувствовал облегчение: всё шло спокойно.

За окном показались вековые трамвайные провода и печные трубы Риги. Янек невольно выдохнул:

— Wielkie miasto...

— Да, большой город. Привыкай, — улыбнулся Станислав. — Может, именно здесь найдёшь спасение.

Рижский вокзал гудел. В воздухе пахло углём, сыростью дороги и ближним морем. У вагона их уже ждали Валериан и девушка, высокая стройная блондинка в строгом платье и шляпке. Он обнял отца:

— Tata! Dawno cię nie widziałem.

— Ну вот, — улыбнулся Станислав. — Не только бухгалтер будущий, но и жених, если я правильно понял.

Сын представил девушку:

— Это Виля.

Та пожала руку Янеку, внимательно посмотрела на его ногу.

— Co się stało z nogą? — спросила она по-польски.

— Nic poważnego, pani. Mała gapa, — сказал Янек тихо.

— Слышала я, что там у вас, — по-русски сказала Виля. — В Польше ад творится. Люди в панике. Корабли пытаются выйти в море. Но многие боятся бомбёжек. Не хочется, чтобы ты тут застрял.

Станислав кивнул:

— Поэтому я его и привёз. Спросим в порту про корабли. Может, найдётся судно в Швецию или в Англию.

— Постараюсь узнать, — сказала Виля. — Говорят, некоторые суда уходят под чужими флагами.

Валя предложил:

— Янек может пожить у нас. Свободная комната есть. Скажем, что это мой кузен из Кракова.

— Dziękuję... — тихо выдохнул Янек, улынувшись им в ответ.

— Słuchaj, Janku, — положила ему руку на плечо Виля, — в порту сейчас много глаз, но есть и люди, которые помогают полякам.

Станислав передал Виле конверт:

— Вот тебе двести лат на дорогу.

— Zrobimy. Всё, что сможем, — серьёзно ответила Виля.

Они вышли из вокзала на холодную улицу. Фонари ещё не погасли — трамваи звенели, витрины блестели. Над городом нависло зыбкое чувство шаткости мира: люди шли по своим делам, в разговорах чаще слышно было лишь «война», «договор», «будущее». Янек шагал между Валеи и Вилей, прижимая к груди узелок с вещами. Позади осталась сожжённая Польша, впереди — неизвестность. Но он уже знал главное: где-то под Даугавпилсом есть дом с конюшней и добрая женщина по имени Кася, которая однажды сказала ему: «Ты уж навоевался, парень. Твоя задача — выжить». И он твёрдо решил сделать всё, чтобы однажды вернуться: если не в Польшу, то хотя бы в тот двор, где война впервые отступила перед чашкой тёплого молока, чистым бинтом и человеческой добротой.

Глава 3. Гроза над городом. Станислав. 1940 год

Этой августовской ночью Станислав не мог уснуть почти до самого рассвета. Он вспоминал прошлое, думал о настоящем и впервые с тревогой вглядывался в будущее. Перед глазами снова вставал тот польский мальчишка, которого они с женой когда-то спасли. Глядя на измученного парня, бежавшего от войны, он впервые по-настоящему понял, что беда пришла в Европу. Теперь война уже не казалась чем-то далёким. Она могла прийти и сюда, к их порогу. Тогда его сыновья станут такими же солдатами, и никто не знает, под чьи знамёна их погонят: советские или немецкие.

Однако в тридцать девятом году худшие опасения ещё не сбылись. Напротив, всё складывалось удачно. Лён уродился густой, с длинным и крепким волокном. Вместе с Петром они продали урожай по хорошей цене. Масло и сыр расходились не только через их магазин — часть товара охотно забирали перекупщики. Поговаривали даже об экспорте через посредников. Год завершился с прибылью. Они расширили склад и приобрели новое оборудование для переработки урожая. Эдик, младший из Ясинских, оказался способным помощником: быстро считал, умел договариваться с людьми и не боялся работы. Трудолюбие принесло свои плоды. И в семье всё складывалось хорошо. Старший сын, Валериан, учился в Латвийском университете в Риге на бухгалтера. Следующей весной он должен был вернуться с дипломом и выбрать свой путь — поступить на службу в банк или заняться семейным делом. Катрина училась в польской школе и пела в церковном хоре. У Петра подрастали близнецы — они уже ходили в латышскую начальную школу. Маленькой Велте исполнилось пять лет, и родные понемногу готовили её к первому причастию. Дом был наполнен детским смехом, голосами и запахом свежего хлеба. После многих лет труда жизнь наконец наладилась. Семья жила в достатке, согласии и радости. И именно поэтому Станиславу было так тревожно. Всё, что они создавали годами, могло исчезнуть в одночасье. В этом и заключался весь ужас. Войны пока не было. На улицах Даугавпилса шла обычная жизнь, работали магазины, открывались рынки. Но уже изредка появлялись советские солдаты. Люди шептались об арестах и исчезновениях. Одни говорили, что кого-то увезли на допрос, другие — что целые семьи отправляют куда-то далеко на восток. После событий этого лета стало ясно: прежняя Латвия ушла в прошлое. Пятого августа 1940 года республика была включена в состав Советского Союза и стала Латвийской Советской Социалистической Республикой. Вместе с новой властью пришли новые порядки, новые законы и новая жизнь, которую многие ещё не понимали и потому боялись.

Станислав не был политиком. Он был хозяином — земли, коров, льняных полей, склада, магазина, где продавались масло и сыр. Но теперь судьба всего этого зависела уже не от урожая и не от цен на рынке. В городе всё чаще появлялись военные. Их части стояли и возле старой крепости, и ближе к железной дороге. Солдаты ходили группами — в пыльных гимнастёрках, с винтовками за плечами. Кто-то курил у лавок, кто-то громко смеялся, кто-то покупал хлеб или молоко. Одни вели себя спокойно, другие — вызывающе. Станислав наблюдал за ними настороженно. Большевиков он боялся. Слишком много слышал о национализации, о конфискациях, об арестах, о том, как чужое имущество объявляют народным добром. Для него всё это означало одно: могут отнять то, что создавалось долгими годами тяжёлого труда. И всё же где-то глубоко внутри он невольно уважал силу. До него доходили рассказы о немецком порядке, о дисциплине, о том, как там умеют добиваться своего. Мир словно раскалывался надвое, и Станислав не понимал, в какую сторону качнётся маятник истории. Но больше всего его тревожило другое. Земля, купленная вместе с Петром. Их кооператив. Магазин. Склады. Всё, что ещё недавно казалось надёжным и прочным. Что делать теперь со всем этим хозяйством, он не знал.

Станислав встал рано. Дети и жена ещё спали. Он тихо оделся и вышел на крыльцо. В саду уже кое-где желтели первые листья — ранние вестники осени. Августовское утро выдалось тяжёлым и тревожным. Пепельное облако нависло низко над домом, и лишь его дальний край на горизонте, освещённый ещё невидимым солнцем, переливался багровыми оттенками, словно там уже зрела гроза. Над садом, где с глухим стуком падали яблоки, медленно расплзалась огромная серо-бурая туча, похожая на солдатское одеяло. Она росла, затягивая небо, и солнце так и не показалось из-за облаков. Воздух стоял неподвижный и густой, пах сырой листвой и свежей землёй, отдавшей людям свой урожай. «Всё рушится... Надо что-то делать», — подумал он.

Станислав решил поговорить с Петром. Как обычно, запряг лошадей и выехал на дорогу, ведущую через город. Он ехал знакомым маршрутом, но сегодня Даугавпилс казался чужим. Колёса глухо постукивали по камням мостовой, однако Станислав почти не слышал этого, погружённый в свои мысли. У перекрёстка возле булочной стояла грузовая машина с красной звездой на борту. Рядом расположились трое солдат. Один сидел на капоте и ел хлеб, другой курил, третий о чём-то спорил с продавщицей. С августа такие картины стали привычными. Но спокойнее от этого не становилось. Станислав попытался проехать мимо, не привлекая внимания. Однако один из солдат шагнул на дорогу и поднял руку:

— Стой!

Пришлось остановиться.

— Куда едешь? — спросил молодой красноармеец с южным говором.

— К партнёру. По хозяйству.

Солдат заглянул в повозку и потрогал мешки:

— Лён?

— Да.

Второй, постарше, внимательно посмотрел на хорошо одетого мужчину:

— Своё хозяйство?

Станислав почувствовал, как неприятно сжалось в груди:

— Кооператив.

Слово прозвучало почти как оправдание. Солдаты переглянулись. Молодой усмехнулся:

— Ну, кооператив — это ещё ничего. Всё будет общее.

Третий засмеялся:

— Поживём — увидим.

Они махнули рукой, разрешая ехать дальше. Станислав тронул лошадей. Его не задержали, не обыскали, даже не нагубили. Но всю оставшуюся дорогу ему казалось, будто чей-то взгляд всё ещё сверлит спину.

«Всё будет общее...» Эта фраза не выходила у Станислава из головы. Большевиков он боялся. Разговоры на рынке, письмо тёти Сони из Смоленска, рассказы Петра о том, что происходило в России после революции, — всё это глубоко запало ему в душу. Слово «общее» для него означало совсем другое: не своё. Чужое. Отнятое у хозяина и переданное неизвестно кому. Он не понимал, как можно заставить человека работать на земле, если она ему не принадлежит. Не понимал, зачем разрушать то, что создавалось трудом нескольких поколений.

В его памяти революция связывалась не с новой жизнью, а с разрухой, голодом и войной. И всё чаще мысли невольно обращались к Германии. До Даугавпилса доходили рассказы о немецкой дисциплине, о крепком хозяйстве. Говорили, что там уважают трудолюбивых людей и умеют наводить порядок. Но вслед за этим приходила другая мысль: «А Польша?» Всего год назад через эти места прошли тысячи беженцев. Среди них был и тот польский мальчишка, которого они спасли. Если Германия несёт один лишь порядок, почему тогда люди бегут от неё? «А если для германцев мы ничем не лучше поляков? Если и для них наша земля — всего лишь чужая территория?» От этих мыслей становилось ещё тревожнее. Станислав не хотел

выбирать между чужими идеями и чужими государствами. Он хотел другого: чтобы рос лён, чтобы продавались масло и сыр, чтобы Валериан спокойно окончил университет и вернулся домой, чтобы Катрина пела в церковном хоре, чтобы дети росли, а коровы давали молоко. Он хотел простой и понятной жизни. Но история редко спрашивает людей, чего они хотят.

Пётр как будто ждал приезда Станислава — он встретил его во дворе.

— Они меня остановили, — сказал Станислав вместо приветствия.

Пётр нахмурился:

— Проверяли?

— Спрашивали, частник ли я.

Два хозяина стояли возле сарая, где лежали аккуратно сложенные тюки прошлогоднего льна — их гордость.

— Станислав, — медленно произнёс Пётр, — времена меняются. Надо думать хладнокровно.

— Хладнокровно? — вспыхнул тот. — Если завтра придут и скажут: «Теперь это государственное», значит, будем искать, как жить дальше.

— А если аресты? Ты слышал, что было в июне? Людей увозили ночью.

Пётр молчал.

— Может, продать коров? Деньги спрятать? Лён быстро сбыть, пока можно? Поле под рожь, чтобы хоть хлеб был?

Пётр посмотрел на землю:

— Если начнём паниковать, сами себя разорим. Паника нас разорит быстрее, чем власть.

— Ты слишком спокоен.

— Нет, — тихо ответил Пётр. — Я просто боюсь не меньше тебя. Но страх — плохой помощник.

— А если придут ночью?

Пётр посмотрел прямо ему в глаза:

— Тогда будем решать ночью. Сейчас — работаем. Лён убираем. Коров не трогаем. Поле готовим.

Над ними громыхнул гром. Ветер резко рванул кроны деревьев.

Дома Станислав ничего не сказал. Он сел за стол на кухне и смотрел, как Эдик чинит ограду, как Катрина смеётся над чем-то с матерью, и вдруг ясно понял: его борьба — не с солдатами и не с лозунгами. Его борьба — за время. Выиграть месяц. Потом ещё один. Сохранить хозяйство как можно дольше. Он решил убрать урожай полностью, часть денег перевести в наличные, не говорить лишнего, держаться в тени, готовить запас зерна на случай худшего. И главное — не показывать страха.

Гроза разразилась вечером. Дождь хлестал по крыше дома, словно пытался смыть прошлое. Но прошлое не смывается дождём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.